

ЛУЧШИЕ
ДЕТЕКТИВЫ
ПО
ЛУЧШЕЙ
ЦЕНЕ

ГАЛИНА РОМАНОВА

ЖИЗНЬ НЕЖНА

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

Жизнь нежна

«ЭКСМО»

2008

Романова Г. В.

Жизнь нежна / Г. В. Романова — «Эксмо», 2008 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-74676-7

Три года прошло после убийства Алексея Хаустова, в котором подозревали Зою, его жену, исчезнувшую сразу после совершения преступления. И вот Зоя нашлась... под толщей бетона в служебном гараже фирмы Сергея Хаустова, брата Алексея. Старое дело подняли вновь. Снова пойдут допросы, нервотрепки, подозрения. Ясно одно, убийца Зойки, а, возможно, и Алексея, до сих пор разгуливает на свободе. И он великолепный актер, если так долго ничем себя не выдал... Роман ранее выходил под названием «Исполнительница темных желаний». Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-74676-7

© Романова Г. В., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Галина Романова

Жизнь нежна

Глава 1

– Сережка, мне кажется, я начала поправляться!

Стоя у зеркала, Тая с притворным испугом трогала слегка увеличившиеся в объеме бедра, обхватывала себя в тонкой талии и старательно прятала от него самодовольство за нарочито расстроеным видом.

Да, она поправилась немного, но ведь это ей так идет. Девичья угловатость, сохранившаяся в студенческие годы благодаря пакетикам заварной каши на двоих и кефиру, бессонным ночам над детскими колыбельками и метанию между работой, домом и яслями, начала пропадать. Фигура приятно округлилась, не оплыла – нет, придав Тайке тот самый законченный, великолепный вид, которым и должна обладать всякая женщина, по его мнению.

Хаустов быстро отвел от жены жадный взгляд. Нельзя, нельзя было отвлекаться. Работы очень много. Работы ровно столько, что поспать сегодняшней ночью удастся часа три, не больше. На ужин потратил больше получаса, уже нехорошо. Почему так долго? Да потому что Тая позвала его в кухню задолго до того, как подала к столу горшочки с картошкой и мясом. А он поспешил на ее зов, на аромат, вытеснивший из квартиры все остальные запахи. И непросохшей штукатуркой вроде уже из детской не пахло, а там ремонт шел полным ходом. И лакомых с балкона не несло, а там тоже строители сегодня работали. Все заглушил, прихлопнул аромат чесночного бульона, в котором томилась молодая картошка с бараниной.

Он и помчался, на время отложив работу. Сел за стол, сразу потянув на себя плетенку с хлебом.

– Не портить аппетита, – заругалась на него Тая. – Скоро есть будем.

Но пришлось подождать. То мясо было жестковато, то бульон выкипел, пришлось доливать и снова ждать, пока тот опять примется фыркать сердитыми пузырями. Хаустов весь изнылся, таская хлебные корки – любил их с детства. И несколько раз порывался уйти снова в кабинет и продолжить работу. Супруга не позволила.

– Сейчас ты снова за компьютер засядешь, я тебя уже не вырву оттуда, милый. Все остынет. Станешь разогревать, а это уже не тот вкус. Нет уж, сиди. Неужели тебе на работе времени не хватает! – причитала Тая, то и дело засовывая нос в духовку. – Нет бы пришел, как всякий нормальный человек, с детьми бы поиграл. Со мной поговорил бы. Ведь не видим тебя совсем. Надо жить, Хаустов, как все нормальные люди!

– Вот ради того, чтобы жить, как все нормальные люди, я и работаю, Тайка. – Он улыбнулся, незаметно стырив еще одну корку с плетеной хлебницы. – Ты ведь дом за городом хочешь? Хочешь. Детям образование приличное за границей хочешь дать? Да. А еще что моя милая хочет?

– Дом хочу на побережье, все равно каком, Сережа. – Тая мечтательно закатила глаза. – Пускай на Азовском, но лучше на Черном, конечно, но чтобы морские волны о мой порог бились. Представляешь, красота какая: просыпаешься утром, а за окном прибой. Это же... Ради такой мечты и умереть не жалко.

– Умирать не нужно, – резонно заметил муж-трудоголик. – Надо просто плодотворнее трудиться.

– Ага, – кивнула она с недоверием. – Так можно пропахать всю жизнь и умереть, так ничего и не добившись.

– Добьемся, Тайка, еще как добьемся. – Он улыбнулся загадочно и незаметно скрестил два пальца под столом: говорить на ветер не любил даже со своей женой. – Ты меня покорми только, да я пойду. Если станешь ворчать и вовремя не кормить мужа ужином, так и знай, стану оставаться на работе!

Она лишь рассмеялась в ответ, прекрасно зная, что делать этого он не будет. Чтобы Хаустов проторчал в своем, пускай и по последней моде оборудованном, кабинете до девяти или до десяти вечера, чтобы просидел там в пиджачной паре, галстук, намявших ступню стильных туфлях и не имел возможности потянуться с хрустом и зевнуть во все горло при этом?! Да черта с два!

Ему поскорее бы в душ, переодеться в домашние штаны и футболку, босым до кабинета своего дойти, попутно потрепав макушки сыновей, запереться изнутри, и все – нет его. Хоть вы там за дверью на головах ходите, хоть кастрюлями гремите и стены переносите, его это не потревожит. Ему под домашний многоголосый ор и грохот всегда работается и думается легче. Он даже пугается, когда они затихают. Тут же выбежит, оглядит их всех, притихших перед телевизором. Кивнет, успокоившись и пересчитав их по белокурым головам, снова нырнет к себе...

– Милый, ну скажи, что я поправилась. – Тайка повернулась к зеркалу боком и попыталась втянуть плоский живот. – Мне кажется...

– Малыш, ты чего пришла, а? – Хаустов поморщился. – Мне работать надо, с ужином задержался, время упустил.

– Нет, ты скажи, мне плохо так? – Ее руки легли на бедра.

– Хорошо, очень хорошо, – пробормотал он рассеянно и добавил, чтобы выглядело убедительнее: – Но больше не поправляйся, идет?

– Хорошо. – Она кивнула и сказала с притворным расстройством: – Значит, все-таки я сильно прибавила в весе, раз ты так говоришь.

– Как? Ну как я говорю? – откликнулся тут же Хаустов: обижать супругу было не в его правилах.

– Ну, что больше мне нельзя прибавлять, – напомнила Тая, надув губки. – Конечно, я склонна к полноте, и мама у меня очень полная была. Мне надо следить за собой, а я мясо с картошкой на ночь жру. Неправильно это, да, Сереж?

– Ты и съела-то... – ответил он машинально, быстро бегая пальцами по клавиатуре. – Поплывешь – сядешь на диету. Зойка-то вон сидит, и ты тогда сядешь.

– Зойка! – фыркнула Тая, тут же поджав губы. – Нашел, кого в пример приводить. Она из-за лишних пятидесяти граммов крапиву жевать начинает. Я так не могу. Я люблю вкусно поесть. А Зойка... Ей лишь бы выглядеть. Она себя столько радостей в жизни лишает.

– Каких, например?

Хаустов сразу насторожился, упустив какую-то важную мысль. Пальцы сделали опечатку.

Черт! Опять она начала эту тему. Теперь не остановить. Сейчас с Зойки плавно перекинется на ее мужа, то есть на его – Сереги Хаустова – сводного брата Алексея Хаустова. Начнет издалека, но непременно скатится к тому, что они не умеют дружить между собой, а должны бы. Что Зойка могла бы быть и попроще, а то заносчивая очень. И детей им давно пора завести, а они все жмутся из жадности, хотя доходы уже выросли до высот небывалых.

– Тай, ну вот откуда ты знаешь, какие у них доходы?! – вспыхнул Сергей, он всегда злился, когда она трогала семью его брата. – Откуда?! И с чего ты решила, что детей они не заводят из жадности? Может, у них какие-нибудь физиологические проблемы? Зойка не может зачать или что-то в этом роде!

– Зойка не может! Да она что хочешь сможет! Она от карандаша зачать способна, не хочет просто. Она же тогда фигуру испортит. Ухищрялась, ухищрялась, ограничивала себя, ограничивала, и ради чего? Ради того, чтобы через девять месяцев походить на бочку?

– Тая! – предостерегающе повысил голос Хаустов.

– Да это она так сказала, честное слово, Сереж. Стану я врать! Она такая фифа, разве ты до сих пор не понял?..

Если честно, то Зоя ему очень нравилась. Энергичная, деловитая, красивая, умная, и Алексея очень любила, кажется. Во всяком случае, всегда это подчеркивала и чувств своих не скрывала даже при посторонних. Хотя какие же они посторонние, они родня. И ему, к примеру, очень нравилось, когда Зоя целовала Алексея, прижималась к нему, гладила по плечам и мурлыкала что-нибудь нежное тому на ухо.

– Да она нарочно всегда это делает, Сережа! Нарочно! Вот, мол, какая я нежная и любящая. Смотрите и завидуйте, – сказала Тая с искренним возмущением. – Сегодня Леша, завтра кто-нибудь еще. Она любого станет облизывать. Разве нет?

Возразить было сложно, потому что Зойка когда-то его облизывала тоже. Недолго, всего лишь каких-то полгода, он с ней встречался, прежде чем познакомиться со своим сводным братом, но и в течение этого времени с ее стороны, кроме ванильных флюидов, в его сторону не расплылось ничего.

Зоя никогда не бывала с ним раздражена, сердита, невежлива. Всегда улыбалась, радовалась его успехам, и казалось, так будет продолжаться вечно. Но потом она вдруг бросила его! Нет, бросила – неправильное, слишком грубое слово. Она вежливо оставила Сергея Хаустова, предпочтя ему более симпатичного, более удачливого и более обеспеченного Алексея Хаустова. И как-то так мягко и доходчиво смогла объяснить свое намерение прожить с Алексеем всю оставшуюся жизнь, что у Сергея не возникло даже и тени подозрения, что ею двигал элементарный расчет. Это уже Тая потом заронила подобные сомнения в его душу. Она смогла рассмотреть за выставляемым напоказ счастьем других Хаустовых Зойкин меркантильный интерес.

– Она очень хитрая, Сережа, – недоверчиво качала всегда головой его жена. – Хитрая и коварная. Вот смотри, она еще Лешке покажет!..

Шли месяцы, годы, но Зоя ничего, кроме своей искренней, казалось бы, любви к Алексею, не демонстрировала.

– Милый. – Тая оторвалась наконец от зеркала, подошла к нему со спины и легла щекой на его макушку. – Милый, хватит уже работать. Я соскучилась.

– Ну, погоди, малыш, погоди. – Он снова упустил в работе что-то важное и с раздражением двинул лопатками, пытаясь отогнать жену. – Ты же понимаешь, что если я не стану работать, то ничего не свалится нам на голову просто так.

– Кому-то свалилось, – едко поддела она, отходя от него. – Кому-то не то что свалилось, а просто с головой накрыло! Зойка-то, она не дура, предпочтя тебе другого брата, которому по завещанию досталось буквально все!

Сергей поморщился.

Снова началось! Снова ее понесло, и теперь уже ничто не остановит. Столько лет прошло, а ей все не дают покоя условия завещания, оставленного отцом своим сыновьям от разных браков.

«Ты, Сергей, более сильный, более расчетливый, и хватка у тебя деловая, Лешке позавидовать, принимай фирму, – слабым голосом сказал он сыну за неделю до своей смерти. – Лешка, он не справится. Он ее не поднимет. Пускай в банке колупается».

Не сказать, что Сергея это очень сильно расстроило, но задело немного, скрывать это он мог ото всех, но не от себя.

С одной стороны, отец, который ушел из их семьи, когда Сергею было восемь лет, мог вообще ему ничего не оставить. Ушел из дома с одним саквояжиком, ничего не взяв. А огромная квартира в престижном районе уже тогда многого стоила, что говорить теперь. И счет приличный в банке на имя матери был открыт, она до самой смерти не бедствовала, нигде не

работая. Вспомнил бы обо всех этих благах и отписал бы все своему второму сыну, с которым прожил до смерти. А он фирму Сергею оставил, которая, правда, только-только организовалась и прибыли пока никакой не приносила, но все же...

А с другой стороны, глодало глубоко внутри: почему все Лехе-то, почему?! И отец с ним был все время, а Сергей его был лишен. И частный банк теперь возглавит, где особо и напрягаться не стоило, все давно текло по проложенному и забетонированному отцом руслу. Неплохо, да: плюхнуться в давно нагретое кресло?!

Но Сергей никогда не показывал своих терзаний никому. Никому, тем более Тайке, которую условия завешания задела, как никого. Он тихонько попереживал, да и только. А потом ушел с головой в работу. Увлекло, захватило. Прогнозы отца о его деловой хватке оправдали себя, фирма разрасталась, начала приносить прибыль. Все налаживалось, о чем было переживать! И с Лешкой, сводным братом, они были очень дружны, хотя когда-то давно даже не смотрели друг на друга, это когда Сергею доводилось приходить к отцу.

Правда, тут тоже был один скользкий момент. Настояла на их дружбе именно Зоя. Ее заинтриговало известие об имеющемся у Сергея сводном брате, с которым тот не поддерживает никаких отношений. Она пригласила их обоих к себе на день рождения. Из кожи вон лезла, чтобы растормошить, рассмешить и заставить пожать друг другу руки. Братья обнялись, пообещали милой девушке никогда не терять друг друга из вида, а потом...

А потом Зоя ушла к Леше. Но, как ни странно, на зародившейся дружбе братьев это никак не отразилось. У них даже состоялся мужской разговор, вежливо поддерживаемый Зоей, – она присутствовала. И финалом этого разговора явилось соглашение, что выбор женщины надо уважать, а выбор такой женщины, как Зоя, нужно уважать втрое.

Тайка обо всем этом узнала лишь год спустя, когда уже четыре месяца была женой Сергея. Он как-то в порыве ночных откровений выложил ей свою семейную тайну и...

И потом неоднократно жалел об этом. Любящая его до беспамяты, Тая очень расстроилась за него. Обиделась на покойного отца Сергея, на Лешу, которому все, а ему – ничего, но особо досталось Зойке. Приличная, по представлениям Таи, женщина никогда бы так не поступила с братьями. Она никогда бы не столкнула их лбами. И сколько бы ни пытался разубедить ее в этом Сергей, она с годами лишь укреплялась в мнении, что коварства и подлости в Зое хватит на десятерых...

– Слушай, малыш, – спохватился вдруг Сергей, метнулся от своего рабочего стола и поймал Тая уже на выходе из своего кабинета, – а может, ты все еще ревнуешь меня к ней, а?

– Я?! – Тая неподдельно изумилась. – Тебя?! К Зойке?! С какой стати?

– Ну, ты так всегда болезненно воспринимаешь ее и...

– Не болтай чепухи, родной мой. – Она взъерошила его светлые волосы и поцеловала в нос, рассмеявшись. – Просто мне иногда обидно за тебя, и все! Ты у меня такой умный, такой талантливый, и пахать тебе приходится за троих. Тебе надо завоевывать все то, что кому-то досталось просто так. А Зойка... Я ее считаю слишком мелкой и недостойной, чтобы ревновать к тебе. Она ведь не только тебя недостойна. Она и брата твоего, бездельника, недостойна тоже.

– Ну почему бездельника, малыш, почему бездельника? Он трудится, – забормотал Сергей, поняв, что сегодня поработать уже не удастся.

Жена прильнула к нему слишком тесно и податливо, чтобы он способен был сейчас вот взять и отказаться от нее. Оттолкнуть, выпроводить из кабинета и снова засесть за работу. Он не смог, залез губами под ее волосы, добрался до нежной кожи под ключицей и замурлыкал:

– Ну, какой же он бездельник, малыш? Какой он бездельник?..

– Еще тот бездельник, – зашептала она со смешком. – Сам отдыхать собрался, на все лето уезжает, а тебя за себя оставляет.

– Разве это плохо?

– А что хорошего?

– То уже хорошо, что он мне доверяет, составил доверенность генеральную на мое имя. Это разве плохо? И зарплату на все три месяца мне положил. Кому-то это не понравилось, но он сразу сказал всем недовольным: за меня остается мой брат. О как!

– Брат! – возмущенным шепотом пробормотала Тая, совершенно сомлев в его руках. – С братом не мешало бы поделиться при таких-то доходах. А то нанял тебя, понимаешь, как...

– Нет, малыш, ты не права, – снова возразил Сергей, увлекая ее к крохотному дивану в углу кабинета. – Он не нанял меня, он попросил, потому что никому, кроме меня, не верит. Знаешь, сколько желающих было! Терехов все порывался зятя своего туда впихнуть.

– Этого пижона со скучными глазами? – ахнула Тая, послушно раздеваясь. – Которого к тебе коммерческим директором пытался втиснуть и которого ты не взял?!

– Его, его. Слушай, давай оставим эту тему, – вдруг взмолился Сергей, застряв в домашних штанах. – Меня это отвлекает, напрягает, в конце концов.

– Давай оставим, – согласилась она, но не удержалась и добавила: – Только не я тебя напрягаю, а семейство братца твоего. Ой, смотри, милый, как бы чего не вышло! Чует мое сердце, сюрпризов еще много они тебе преподнесут!..

Страшный телефонный звонок застал Сергея за городом, и не его даже застал, а Терехова Ивана Сергеевича, который, празднуя свое пятидесятилетие, пригласил гостей человек семьдесят. Шум, гам... Хаустов уже был готов через час удрать оттуда, но нельзя. Терехов и так косился на него за полученную от брата генеральную доверенность, дающую право управления делами в отсутствие Алексея. Да и отказ его зятю долго не мог простить. Пришлось и приглашение на юбилей принять, хотя вырвать этот кусок времени из забитого делами рабочего графика было очень сложно. И зятя пришлось взять на работу, тоже из политических соображений. Всего как неделю тот отработал. К слову, неплохим оказалось начало его трудовой деятельности, энергичным.

– Серега! Серега, иди к нам!

Под ивами на самом дальнем краю участка Тереховых обосновался в компании молодых девушек Антон Панов – его давний друг и помощник. Тот когда-то уже успел поменять легкие брюки с рубашкой на костюм. Сергей видел его перед выездом из города, Панов точно был без пиджака, а теперь почему-то переоделся. Перед девушками молодыми, видимо, пижонится. Ему было весело и необременительно в шумной толпе гуляющих. Чего Хаустов не мог сказать о себе, он откровенно всем этим тяготился. К тому же Панов был холост и мог себе позволить порезвиться. А у Сергея жена имелась и пара маленьких мальчишек, которые вдруг раскапризничались, и Тае пришлось уехать с ними домой. Позвонила и сказала, что час уже, как сопят в кроватках сорванцы.

Он отошел от Панова с его шумной компанией подальше, окинул взглядом праздную толпу и со вздохом побрел к дому. Виновник торжества только что направился именно туда, и Сергею очень хотелось поймать его там и с виноватой миной отпроситься домой. Мотив благо к тому имелся основательный: Тая с детьми уехала, просила не задерживаться.

Ивана Сергеевича он нашел в гостиной на первом этаже. Тот с кем-то разговаривал по телефону. Новости, видимо, были не из приятных, потому что лицо его, обращенное сейчас к вошедшему Сергею, мрачнело все больше и больше. Когда Терехов опускал трубку, рука его заметно подрагивала.

– Сергей... – начал он медленно с непонятной печальной торжественностью. – Сергей, присядь.

Почему-то Хаустов его моментально послушался, хотя шел с намерением попрощаться и не собирался задерживаться, а тут послушно шлепнулся в кресло. Уставился на хозяина, потом вдруг нервно дернул губами и спросил:

– Что-то случилось, Иван Сергеевич?

– Да, Сергей, случилось, – не стал тот отрицать.

– Что?!

Тая только что звонила ему с домашнего, дети спали, тут он мог быть спокоен, хотя и зашло сердце в какой-то момент от страха за них.

– Твой брат Алексей... – снова медленно начал Терехов, тут же зажал пальцами глаза и просипел: – Какая нелепость, господи! Какая нелепость!!

– Что с ним?! – прокричал Сергей, настолько был напуган. – Что с Лешкой, Иван Сергеевич?!

– Он погиб... Его убили! Зарезали в собственной квартире. Мне только что позвонили из управления... Боже, кто бы мог подумать?! Кто?!

– Как зарезали?! Я не пойму! Он же должен был улететь сегодня с Зоей. А она?! С ней что?! – Он орал, как маленький, тонким-тонким фальцетом, зажав кулаки между коленей. – Что с Зоей?!

– С ней? – Тон Терехова мгновенно сделался ледяным. – С ней пока все в порядке. Ее ищут. Она скрылась с места преступления, Сережа. Вот так-то...

Сергей ничего не мог понять, ровным счетом ничего. И долго потом понять не мог, отвечая на вопросы в разных кабинетах.

Как могла Зоя, которая сдувала пылинки с Алексея, как она могла убить его?! За что же она воткнула ему нож под левую лопатку?! Ради денег, которые унесла потом в кожаном кейсе?! Но она ведь ни в чем не нуждалась. У нее и так всего было в достатке. Она не могла!..

Оказывается, смогла. И заранее все просчитала. И паспорт на другое имя себе заранее сделала, как выяснили со временем следователи. И мужа, умного, грамотного банкира, заставила взять колоссальную сумму денег со счета. Хотя и неразумно было перед дальним путешествием снимать такую наличность. Она заставила, она! Потом убила его и скрылась с деньгами в неизвестном направлении.

– Вы ее найдете?! – спрашивал Сергей у каждого второго, с кем пришлось общаться в ходе расследования. – Вы найдете ее, ребята?!

– Постараемся, – туманно обещали они, пожимая плечами. – Она объявлена в федеральный розыск, но, сами понимаете... Знаете, сколько бегущих по стране преступников?

Он не знал. И статистика подобного рода его не интересовала. Его интересовал данный конкретный случай. Он очень хотел посмотреть беглой преступнице в глаза и задать единственный вопрос:

– Зачем ты это сделала?

Глава 2

Прошло три года

Любимая тетка на нее рассердилась. Впервые, кажется, рассердилась, и по-настоящему. Непонимание племянницы, ее природная недалёковидность, унаследованная от матери, по мнению Полины Ивановны – так величали любимую тетку Полинки-младшей, ни до чего хорошего довести ее не могли.

– Знаешь, что становится уделом таких вот, будто бы утонченных птичек, как ты?! – воскликнула Полина Ивановна после десятиминутного сердитого молчания, во время которого смолила сигарету за сигаретой.

– Ну почему, тетя Польша, «будто бы»? – Полина поморщилась. – Почему «будто бы»? Вечно вы ставите под сомнение мое хорошее воспитание.

– А ты вечно им кичишься, словно и... – Тетка пожевала полными, даже в старости сочными губами, пытаясь подыскать приличное слово, не нашла и брякнула: – Словно и в туалет никогда не ходила, Полинка!

– Тетя!

Полина конфузливо поморщилась. И это не было притворной стыдливостью, вовсе нет. Она и в самом деле не любила, не знала и старалась не слышать вокруг себя нехороших слов, хотя ими был полон окружающий ее мир. Она просто становилась глухой на оба уха, когда кто-нибудь рядом с ней принимался сквернословить. И сама никогда не прибегала к ним – к нехорошим словам, чтобы выразить свое возмущение, к примеру.

А то, о чем сейчас говорила ее тетя, было настолько глубоко интимным, что она даже наедине с собой не решалась об этом рассуждать, не то чтобы произносить вслух. Вот и покраснела, вот и поморщилась. А тетка тут же снова зафыркала, протестуя.

Ох, не дай бог ей когда-нибудь разболеться, сердилась тетя Полина, как она доктору станет говорить о своих недугах! Это же... это же до неприличия интимно.

– Спаси, господи, душу грешную моей сестрицы, – ткнула очередным бычком в переполненную пепельницу Полина Ивановна. – Надо же было на свет божий произвести такую белую ворону! Была бы ты, Польша, уродиной при таком-то убогом воспитании, я бы тебя точно в монастырь спровадила. И даже бровью бы не повела, спровадила! Молилась бы ты там денно и ночью за спасение грешных наших душ. Умилялась бы цветочкам и божьим тварям разным. Грезилась бы о новом пришествии, глядя страшеньким своим личиком в божий лик. Была бы ты страшенькой-то, а! А так-то ведь жаль! А ну-ка... А ну-ка пройдишь!

– Ну, тетя Поля! – взмолилась Полина, беспомощно всплескивая руками.

Она знала, что, если тетка прицепится, лучше не перечить. Когда та сердита, когда полпачки сигарет за час выкуривает, когда брови у нее домиком, а губы ломаной линией, лучше с ней не спорить. Лучше действительно встать с ее широченного дивана, занимающего добрую половину гостиной, и пройтись до окна, а потом обратно.

Полина со вздохом, грациозно поднялась с мягких подушек, по привычке провела ладонью по подолу платья, прикрывающему колени, и медленно пошла. Она двигалась по обыкновению своему, выпрямив спину, чуть приподняв подбородок и ноги ставя именно так, как учат теперь манекенщиц. Только ее не для подиумов учили. Походке ее покойная мать обучила с раннего детства. Еще когда другие десятилетние девчонки сандалиями грязь загребали во дворах, Полина уже тогда гордо несла свою симпатичную головку.

– Женщина должна уметь красиво ходить, это ее и отличает от мужчин и обезьян, дорогая, – учила ее мать, водружая ей на голову мешочек с песком и выталкивая на середину комнаты. – Когда ты подрастешь, то заметишь, как на улицах мало женщин, умеющих красиво

ходить. Либо вихляют бедрами, либо горбятся, либо несутся, широко шагая и наклонив корпус вперед, как перед прыжком. Это не есть хорошо, дорогая...

Полина слушала ее, раскрыв рот. Слушала и слушалась, потому что мать была ее единственным авторитетом в жизни, ее единственной подругой, ее единственным родителем. К тому же мать очень часто называла Полину женщиной. И пускай она была еще очень юной, очень несмышленной, очень наивной, но женщиной. И оттого, что мать приобщала ее – совсем юную, несмышленную и наивную – к прекрасному взрослому необузданному племени женщин, у Полины всегда очень сладко ныло в груди и тревожно обрывалось в животе.

– Искалечила тебя моя сестрица, ох искалечила! – снова захохотала тетка, когда Полина, сделав круг по гостиной, снова уселась на диван. – К такой красоте, к такой стати – и такие куриные мозги!

– Тетя Полина! Я прошу вас, ну, пожалуйста! – Полина заломила руки.

Тетка разошлась не на шутку. Сколько же еще придется слушать, что ее племянница глупа и недальновидна?!

– Девочка моя, послушай меня, я прошу! – продолжила тетя. – Ты очень красива, очень! В том, что ты не стала ничьей содержанкой при такой красоте, что ныне весьма ценится, не стала манекенщицей или артисткой, тьфу-тьфу-тьфу, не стала кокоткой, уж прости меня, конечно, в этом есть, есть заслуга моей сестрицы. Она воспитала тебя в строгой нравственности. Упокой, господи, ее грешную душу! Тут спорить не стану, она молодец. И ты тоже молодец, что не скурвилась!..

– Тетя!! – возмущенно зашипела Полина, снова покраснев.

– Ладно, не обращай внимания на старуху, – хихикнула тетя Полина и подмигнула ей. – Так о чем это я? Ах да! То, что ты выросла и осталась приличной женщиной, – прекрасно! А в чем истинное предназначение женщины, дорогая? В чем?!

– В чем? – эхом отозвалась Полина, вопроса такого еще не звучало, потому она и пошла на поводу у хитрющей тетки.

– В том, чтобы рожать детей, в том, чтобы продолжать род человечества. А род этот без мужчины не продолжится, как ты этого не понимаешь?! И мужчина этот должен быть тебе мужем, это ты со своим воспитанием должна понимать тоже! – Теткин кулачок с силой ударил по столу, обрушив пирамиду из окурков.

– Я понимаю. – Полина вжала голову в плечи, моментально поняв, куда тетка клонит.

– А если понимаешь, то почему собралась уходить от Антона, а?! Почему, я тебя спрашиваю?! – Тетя Полина теперь орала, а предавалась этому занятию она всегда с упоением, без стеснения выпуская из легких рвущуюся на волю мощь. – Он твой муж?! Муж! Детей ты хотела?! Хотела! Так в чем проблема?! Он что, импотент?! Он не в состоянии сделать тебе ребенка?! Отвечай, дрянь такая!!

Дрянь предпочла промолчать. К ответам на такие ужасные вопросы она не была готова. Чтобы обсуждать с посторонними интимную жизнь со своим мужем?! Ни за что! Да она скорее умрет, чем рот откроет!

– Можешь не отвечать, – безошибочно угадала ее мысли тетка. – Разве ты сможешь ответить-то?! Ты же... Ты же от слова «член» в обморок упадешь, дурочка!

– Тетя, я вас прошу! – прошептала сквозь слезы стыда Полина и закрыла лицо руками. – Я не могу! Я не могу с вами об этом говорить!

– А с кем можешь-то? С кем? Ты же и с мужем со своим говорить об этом не желаешь, – с силой фыркнула Полина Ивановна, брызнув слюной, и тут же скоренько отерла рот рукой. – Он же с тобой пытался говорить об этом, Польша? Пытался? Не отрицай, я знаю, что пытался.

Она согласно кивнула, без единого слова. Головы так и не подняла и рук от лица не отняла, стыд душил с такой силой, что, казалось, еще чуть-чуть и у нее от напряжения глаза повылазят и лицо лопнет от кровавого давления на щеки.

Разве можно говорить о таком с посторонними людьми?! Пускай тетка не чужая, но... А Антон, что же, позволил себе говорить с тетей Полиной об их совместных проблемах?!

Боже правый, как стыдно, как ужасно! Что, интересно, он наговорил ей, что?

– Он сказал, что ты отталкиваешь его, когда он пытается тебя обнять, – осторожно начала тетка, когда Полина задала свой вопрос вслух, проговорив его про себя раз двадцать, наверное.

– Он не пытается меня обнять! Он меня... Он меня лапает, тетя!

Последние слова Полина произнесла с благоговейным ужасом. Посмотрела на тетку и решила, что наконец-то до той дошел весь ужас ее положения, потому что застыла с широко открытым ртом. С раскрытым ртом, не моргая, Полина Ивановна смотрела на племянницу, а та, воодушевившись, продолжила:

– Он меня лапает, тут, вот тут, вот так.

Она осторожно коснулась своей груди, бедер, ягодиц.

– И при этом он говорит такие ужасные вещи, – жалобно пискнула Полина.

– Какие? – силло выдавила из себя Полина Ивановна, и грудь ее неожиданно заходила ходуном. – Какие вещи он говорит тебе, детка?

– Он требует, чтобы я... – Нет, смотреть на тетку она больше не могла, рассказывая о таком, поэтому отвернула лицо и продолжила: – Чтобы я разделась перед ним.

– И?

– И это днем, тетя! Белым днем, когда светит солнце и не зашторены окна, он требует, чтобы я все сняла с себя!

– И что же ты сделала? – Полина Ивановна уже почти задыхалась.

– Я? Я расплакалась и убежала к соседке.

– Та-аак... Что еще ужасного вытворяет Антон?

– Он заставляет принимать меня неприличные позы. И еще он все время говорит мне, что хочет меня. – Полину передернуло. – Когда лезет ко мне под платье, он шепчет так судорожно, дышит, как животное, и все время повторяет: я хочу тебя, детка! Я хочу только тебя... тьфу!

– Ду-уурраа-а!! – с диким привыванием оборвала ее откровения Полина Ивановна, затрясла седой головой, застучала кулаками по столу и запричитала, не снижая голосовых оборотов – Какая же ты дура-аа!! Ты гордиться должна, что мужик тебя хочет! Ты бы из него веревки вила, коли он не отходит от тебя! Ты бы... Позы он неприличные заставляет ее принимать, мать ее ети! А в каких ты позах собиралась дитя зачинать?! Сидя за столом за чашкой чая?! Ты совсем идиотка, Полинка, или прикидываешься?! Ты что, не знала, чем занимаются муж и жена в спальне?

– Знала. Конечно, знала, тетя.

Полина не на шутку перепугалась. Тетка выглядела сейчас ужасно: лицо побагровело, на шее вздулись вены толщиной с карандаш, руки трясутся. Не приведи бог, insult, что тогда?! Полина Ивановна хоть и бывала иногда сердита, но она все же была ее родственницей. На данный момент единственной оставшейся в живых родственницей. Если не считать мужа Антона, конечно. Но муж хоть и родня, но все же не кровная. И как слышала Полина, их часто меняют, мужей этих.

– Если знала, то какого черта замуж пошла, Полинка?! – Тетка со слабым оханьем ухватила за левую грудь. – Достань из комода таблетки, довела все же тетку, довела!

Полина испуганно встрепенулась и кинулась к комоду. Быстро достала из верхнего ящика тюбик валидола, выкатила одну таблетку тетке на ладонь. Дождалась, пока та положит ее себе под язык и сомкнет посиневшие губы, и лишь тогда снова вернулась на диван.

Вот угораздило ее начать этот ужасный разговор именно сегодня. Метеосводки неблагоприятные для людей, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями, а тут она еще. Не надо было начинать сегодня. Не надо.

А с другой стороны, когда?! Вчера постеснялась, позавчера тоже, неделю назад тоже было совестно. Месяц назад заговаривать об этом вообще казалось неприличным, всего и женаты были с Антоном три месяца, и тут вдруг поднимать тему развода. Как-то нехорошо. И еще вчера вечером не знала, что начнет этот разговор уже сегодня, но после того, что было утром...

Все, решила Полина, она больше не может! Она больше не может видеть над собой его напряженное покрасневшее лицо. Она не может больше раздеваться под его прицельным прищуром и чувствовать себя при этом последней шлюхой. Она не может больше раздвигать ноги и позволять ему рассматривать себя, и слушать его комментарии при этом не может тоже. И шлепки его... Господи, эти ненавистные смачные шлепки по ее попе! Она чувствовала себя при этом не женщиной, не женой, даже не шлюхой, а лошадью, которую шлепают по крупу. Гадкой, грязной кобылой, стоявшей по колено в его словесном навозе.

– Я не думала, тетя Полин, что все это будет так ужасно, – тихонько ответила Полина, зажав ладони меж коленок. – Я, наверное, фригидна, да?

– Не мели чушь! – оборвала ее Полина Ивановна чуть потвердевшим голосом. – Нет фригидных баб, есть хреновые мужики. И вообще фригидность эта на психике завязана, а ты у меня психически нормальна. Но не мешало бы быть немного раскованной, дорогая.

Быть раскованной Полина не хотела. Она всегда любила себя за хорошие манеры, красивую походку, чистоплотность и, конечно же, за ум, не позволяющий ей совершать ошибок. Антон стал ее первой ошибкой в жизни. И только ее ошибкой, больше ничьей. Ее никто не подталкивал к замужеству. Тетка даже рекомендовала не торопиться. Мать Антона тоже настоятельно просила прислушаться ей к своим чувствам и не спешить. Полина, помнится, даже обиделась слегка на нее за такой совет. На что будущая свекровь ей ответила:

– Мне кажется, Полиночка, что ты не совсем понимаешь, что такое любовь, а без нее ведь в замужестве никак нельзя. Небо с овчинку покажется. Стерпеться и слюбиться не у каждого получается...

Только теперь Полина и рассмотрела эту самую овчинку. Только теперь и поняла, что стерпеться и слюбиться у нее не получилось.

Да, Антон стал ее ошибкой. И она не допустит, чтобы ошибки эти стали повторяться. А тетка советует быть раскованной! Да ни за что! Ей бы вот только решить проблему и...

– Если ты хочешь получить от меня благословение на развод с Антоном, ты его не получишь! – Быстро окрепший после сердечного недуга кулак Полины Ивановны с силой опустился на стол. – Поживи хотя бы год с ним, прежде чем разводиться. Постарайся увидеть в нем что-то хорошее. Полинка, ну разве он может не нравиться, а? Он же красавец! Бабы, глядя на него, слюни пускают, а ты нос воротишь. Разве можно таким мужиком брезговать?!

– Наверное, я не люблю его, вот и все.

Не стала спорить с теткой Полина, хотя многое могла бы рассказать об этом красавце несимпатичного. То, к примеру, с какой силой тот чистит нос по утрам в их общую раковину и как потом не все смывает оттуда за собой. Тьфу, гадкий!..

– Может, и не любишь, – очень быстро вдруг согласилась Полина Ивановна. – А ты что же, думаешь, что все до единого браки заключаются на небесах? Дурочка ты моя. Все по грешной земле ходим. А те браки, которым довелось состояться с божьего благословения, очень редки, поверь!

– Но у тебя же случился, тетя Поль, – возразила Полина, вспомнив покойного дядю Володю. – Вы же так любили друг друга. Вы же дышать не могли друг без друга.

– Не могли, – с печалью согласилась тетка, повесив голову на грудь, потянувшись было за сигаретой, но тут же снова вскинулась с прежним азартом. – Но он ведь меня тоже лапал, Вовка-то! И вот здесь и здесь лапал! Хватал за все места и позы заставлял неприличные принимать.

– Те-етя-аа!!

Все, Полина больше не могла этого выносить. Вскочила и бегом на кухню. Если тетка не уgomонится, она сейчас примется обои у нее со стен срывать, и ремонт затеет, и плитку всю сколупнет с пола, чтобы новую положить. Она займет себя чем угодно, лишь бы не выслушивать никакой ереси «про это».

Как это в духе времени, а! Как модно сейчас стало всюду и везде говорить о сексе! В стародавние времена заявляли, что в нашей стране секса нет, а теперь все кинулись скопом опровергать это.

Есть! Есть, орут во все горло на каждом перекрестке, с каждого буклета, с экрана! Есть у нас секс, да какой! И мы вас всех переплюнем, перешеголяем и, прости господи, перепере-трахаем, таким, кажется, модным словом это сейчас зовется.

Низвели такое священное таинство до уровня животного паскудства, зачем? Для чего?! Для рейтинговых скандалов? Для сладострастного слюноотделения, после которого неизменно наступает тошнота? Ведь это и в самом деле таинство, такое же точно, как рождение ребенка, поскольку посредством его дети и зачинаются. А они все что сделали?..

Это должно быть свято хранимо, верила когда-то Полина. К этому не должно быть допущено ничьих посторонних глаз. А что сделал из всего этого Антон?! Он распахнул двери их спальни настежь! Он не только с теткой посмел рассуждать о проблемах в их интимной жизни. Он ведь и с друзьями это обсуждал. Может быть, с того момента проблемы как раз и начались? Было это...

Да, все правильно. Случилось это через две недели после их бракосочетания. Семейная пара, с которой Антон был дружен и до женитьбы, пригласила их за город на дачу. Была организована великолепная программа с театрализованным представлением, устроенным их детишками, купание в реке, барбекю. Полина была почти счастлива. Пока не зашла случайно в бильярдную. Правильнее, она шла туда, но не дошла, застыла на пороге.

Господи, она не хотела ничего подслушивать! Отмотай сейчас время назад, она все бы сделала, чтобы не слышать тех слов, которые сказал ее молодой муж:

– А моя Полинка стесняется, дуреха, заниматься сексом...

И он назвал ее утреннее положение таким гадким, таким отвратительным словом, что Полине показалось, будто ей на голову вывалили ведро с жирными жабами. Она замерла, зажмурившись, и все ждала, что же произойдет дальше. Рухнет небо на гнусную голову ее мужа или нет? Ну, если не небо, то хотя бы потолок.

Нет, ничего не рухнуло. Все осталось на своих местах: и небосвод, и плиты перекрытия загородного дома. И даже осудить Антона никто из его друзей не поспешил, а принялись скопом обсуждать, почему это у нее – у Полины – такое извращенное представление о сексе. Заметьте, не у них, а у нее! Не у них, бесстыдно распластывающих чужую интимную жизнь и заглядывающих во все потайные места, а у нее!

Еле хватило сил дожидаться вечера. Еле хватило сил не устроить Антону сцену прямо там же, возле стола, обтянутого зеленым сукном. Воспитание не позволило. Оно и улыбаться заставило, и заставило делать вид, что все просто отлично, что ей все нравится и что пощипывание мужем ее зада доставляет ей просто дикое удовольствие.

А стоило отъехать от дачи друзей на расстояние километров в десять, как она разрыдалась. Антон перепугался, помнится, начал приставать, допытываться, не обидел ли ее кто тайно. Она все отрицала и, разумеется, об истинной причине своих слез не рассказала ему. Опять виной тому ее природная застенчивость, касающаяся интимных вопросов. Да и стыдно было обвинять мужа в чем-то, когда он с таким волнительным пылом пытался ее утешить. Потом его волнение переросло в возбуждение. Оно у него все нарастало и нарастало и заставило его свернуть с дороги в ближайшую лесополосу. Там Антон, прекратив за нее переживать, поставил Полину именно так, как, с его слов друзьям, она стеснялась это делать, и...

И вот как раз в тот момент, уступая ему и двигаясь, стиснув зубы, в таком ритме, как он велел, Полина и поняла, что не любит его. Не любит своего мужа Антона, за которого выходила замуж в твердом уме, трезвой памяти и совершенно не по принуждению. Она его не любит, решила она тогда, с брезгливостью принимая из его рук влажную салфетку. Чувство то в тот момент было куда более глубоким и страшным, чем просто нелюбовь, но Полина не позволила себе именовать его ненавистью. Не позволила, потому что это было неправильно, нечестно по отношению к Антону. Это же грех, в конце концов, – ненавидеть собственного мужа. Его можно либо любить, либо нет, но вот ненавидеть было нельзя. Она и не позволила себе. И в глубине души начала потихоньку привыкать к мысли, что все ее страдания – это нечто временное. Что когда-то они закончатся, и она снова обретет свободу и станет счастливой. Но уже без него, без Антона, без его вечного похотливого голода, без его грубых алчных рук, которым вечно хотелось ее тела. Это стало для нее главной и единственной теперь мечтой – освободиться от него. К этому она решила неторопливо стремиться и именно об этом заговорила сегодня с теткой, а она...

– Милая моя девочка, – переваливаясь с ноги на ногу, как огромная грузная утка, Полина Ивановна вплыла в кухню, где Полина страдальчески всхлипывала у окна. – Я не стану к тебе больше приставать с Антошей, поверь мне. Верить?

Полина не верила, конечно, но все равно кивнула, чтобы не расстраивать тетку.

– Умница, – похвалила ее та, подошла к ней и погладила по плечу. – Просто ответь мне: вот если ты разведешься с Антоном, будешь всю оставшуюся жизнь коротать одна?

– Нет, – почти не раздумывая, ответила Полина и нисколько не лукавила. – Почему одна? Нет. Просто я хочу, чтобы у меня было так же, как у тебя с дядей Володей. Он такой был...

– Да обычный он был, Польша, – рассмеялась тетка, легонько ткнув ее кулаком между лопаток. – Обычный! Такой же, как и все. Просто он был именно моим мужчиной, понимаешь? И мне плевать было, что он сморкается утром в раковину, что сидит в туалете по полчаса с газетой и дымит «Беломором» при этом, что храпит ночами... Господи, да я любила его со всем его дерьмом, уж прости меня! И нисколько не идеализировала, как ты свою мечту о принце.

– Ну почему обязательно о принце.

Полина недоверчиво покосилась на тетку. Поверить в то, что можно самозабвенно любить мужчину, вытворяющего все это, ей было очень сложно. Это, мало сказать, было неэтично, это было... было отвратительно! Ведь можно же жить как-то без всего этого, а? Как-то отгородив друг от друга все эти вынужденные гигиенические непристойности, можно ведь?

– Совсем безнадежная, – вздохнула тетка, выслушав ее недоуменную тираду. – Ты никогда не найдешь себе мужика, Полинка, если бросишь Антошу. Никогда!

– Почему?!

– Да потому что все мужики одинаковые, все! Они храпят, умываются, фыркают по утрам над раковиной, когда бреются, разбрызгивают мыльную пену по стенам и никогда почти не завинчивают тюбики с зубной пастой. А когда они сидят за рулем в пробках и нервничают, знаешь что все они почти без исключения говорят?

– Не знаю. – Полина заморгала в недоумении. – Честно не знаю. А что они говорят?

– Они вот так вот стучат по рулю, теребят мобильные телефоны и без конца матерятся. Твою мать! Да когда же, мать твою, все это закончится. Ну, или что-то в этом роде, дорогая.

– Да ладно! – не поверила Полина. – Есть же мужчины, которым несвойственно выражать свои чувства непременно нецензурно. Есть же такие, которые таких слов не употребляют, а может, и не знают даже их.

– Да?! – Красивые густые брови тетки изогнулись дугой, а глаза насмешливо заблестели. – Познакомишь меня с ним, и я ему подарю две самые дорогие вещи, которыми обладаю.

– Это какие же?

Полина склонила головку набок. Теткино заявление было очень интригующим, многообещающим и, кажется, противоречило ее категоричному неприятию развода племянницы с Антоном.

– Я подарю ему тебя и свою квартиру, милая. А сама уйду в монастырь. Больше у меня ничего и никого нет! Только ты и квартира...

Глава 3

Он зашел в лифт, поглядел себе под ноги. Обнаружил следы чьей-то подсыхающей мочи на полу и оставил тяжелые пакеты в руках. А так хотелось швырнуть их к чертовой матери на пол. Снять с себя опостылевший пиджак, у которого еще с обеда промокла подкладка под мышками. Ослабить узел галстука и расстегнуть наконец две, нет, сразу четыре верхние пуговицы на рубашке.

Ох уж эта офисная роба! Ох и опостылела она ему!

Галстук обязателен, пиджак желателен, сорочка непременно с длинными рукавами, чтобы манжеты с запонками выглядывали на полпальца из рукавов пиджака. А когда на улице плюс тридцать пять, это как? Как при такой жаре в пиджаке-то?

Пускай машина с «кондеем», пускай в офисе их на каждого по штучке, все равно! Все равно пиджак в такой зной раздражает. Одним своим призывающим к официозу видом раздражает!

– Так поменяй его на рабочую спецовку каменщика, идиот!! – заорала на него супруга Вера, когда он пару дней назад, вернувшись со службы, запулил пиджак в дальний угол их спальни.

В спецовку каменщика он не хотел, это точно. И сталевара, и плотника – тоже. Это бы означало вставать в шесть утра, плестись, наскоро позавтракав, к троллейбусной или автобусной остановке – тут были еще варианты. Потом отпахать смену надо было – тут уже без вариантов – и плестись назад тем же порядком.

Нет, в спецовку простого работяги он не хотел стопудово.

Но и пиджак успел надоесть до такой степени, что казался кандалами. Связавшими его с пяток до макушки кандалами. Пускай и дорогими, но все же кандалами.

– Слуша-аай! – ахнула как-то догадливая Верка, скрестив руки на своем пятом размере груди, которым жутко гордилась. – А может, тебе вообще все надоело, а, Витальча?! Не только пиджак и служба твоя обязательная и унылая, а вообще все, а?!

Да!! Да, хотелось ему орать в тот момент в полное горло, вообще все надоело! Все осточертело!!

Дорогая машина его не радовала! В большой квартире на двоих стало тесно! Холеная красавица-жена – его Вера, ухоженная от розовых атласных пяточек до густоволосой роскошной макушки – не возбуждала его теперь! Вообще никогда не возбуждала, ни днем, ни утром, ни ночью, ни вечером. Он поначалу-то перепугался, подумал, что все, кранты! Довела жизнь офисная до импотенции, пора по врачам да препаратами стимулирующими разговляться. Верка уже стала коситься, подкалывать, потом и в открытую претензии предъявлять. Он даже знакомому сексопатологу позвонил, напросившись на прием. А потом вдруг...

А потом вдруг однажды у знакомых на даче он увидел ЕЕ. Увидел и сомлел. И не знал уже, куда свое возбуждение прятать. Оно было настолько очевидным, настолько вульгарно топорщилось в джинсах, что он поспешил натянуть на себя кожаный фартук и встал к мангалу, чтобы скрыть все. Но Верка, гадина глазастая, заметила. Фыркнула, многозначительно скосив взгляд на его пах, и пробормотала с угрозой:

– Ну-ну, Прохоров... На меня, стало быть, времени и здоровья не хватает, а тут на угли встал! Или тебя молодая жена Антона Панова так поддернула? Ладно, дома поговорим.

И ушла в дом, затаив зло на него. А он-то при чем?! Он-то что такого сделал?! Совсем ведь ничего, просто смотрел и все. Смотрел, как молодая жена Антона Панова ходит, как разговаривает, как наклоняется над столом, когда дотягивается до виноградной грозди. Он даже помечтать ни о чем таком не успел, что сподвигло бы его на такой эротический выбор. Честно, не успел! Просто любовался чужой женщиной, и все. Почти...

Да ею, если быть откровенным до конца, все там любовались. И он, и хозяин дачи – Хаустов Серега – не мог от нее взгляда оторвать, и еще кто-то из приглашенных, кого Виталий не очень хорошо знал, тоже пялились на Полину Панову.

Она была...

Она была чудо как хороша! И ведь не выставляла себя напоказ, как Верка, к примеру. Та все норовила сиськи свои на весь белый свет из-за пазухи вывалить или ноги повыше обнажить. А Полина как раз наоборот, в отличие от других женщин, была больше всех одета. То есть на ней было очень много ткани для такой жары, которая стояла в выходные. Сарафан вроде бы был на ней, но плечи прикрыты, спина тоже не оголена, вырез на груди крохотным сердечком, подол ниже коленок. Все другие бабы были в шортах, таких крохотных, таких мелких, что нижняя часть задницы вываливалась и пупок наружу. Ноги, живот, все на обозрении – гляди, не хочу. Может, потому и глядеть на них не хотелось, а? Потому, что раздеты они были почти полностью? Что там оставалось воображению-то? Ничего ровным счетом. Только киснуть, принимая все, как видится. А Полина...

А вот над Полиной его воображение трудилося вдохновенно. И подол платья ей задирало. И пуговицы крохотные на груди расстегивало лихорадочно. И по плечам гладило, и по спине нежными прикосновениями спускалось. И все казалось именно таким великолепным и желанным, каким угадывалось под ее тонким сарафаном.

И он ведь не ошибся, предполагая, что она нежна, пуглива и стеснительна. Именно об этом потом говорил Антон. Тоже идиот, да? Нашел о чем рассказывать!

– Полинка моя прелесть просто, – надрывался он от восторга в бильярдной. – Только очень уж скованная, представляете, стесняется заниматься сексом...

За те слова, которые потом произнес Антон для присутствующих там мужиков, Виталий готов был забить ему в глотку кий. Причем не один, а все, что имелось в бильярдной. Нет, ну разве можно о таком говорить на людях, а?! Там ведь, по меньшей мере, человек семь уши грело, двоих из которых они с Антоном вообще впервые видели. А он несет такое! Разве можно о такой женщине, как Полина, на людях говорить?! Да ею нужно любоваться, как дорогой картиной, в тиши своего кабинета в одиночестве, а потом обратно запирать на ключ и никому не показывать. А он такие вещи на обсуждение выносит. Повезет же придуркам, а!

Одно хоть утешало, что Антон Панов осознавал, какой драгоценностью владеет. У него просто взгляд мутью подергивался, когда он смотрел на свою жену. Наверняка из спальни ее не выпускает, решил тогда не без зависти тайной Виталий.

Да, он бы и сам с такой девочкой там пропадал, в спальне-то. Снимал бы пласт за пластом с нее ее природную застенчивость, уничтожал бы в ней ее скованность, кроил бы на свой лад ее женское начало. Это ведь так интересно и волнующе: лепить женщину под себя. Не брать ее уже готовой и состоявшейся, умеющей все, знающей все, направляющей тебя же, а самому ее создавать.

Ему вот так, как Антону, в этом плане повезло меньше. Верка ему досталась уже матерой и распутной. И еще упакованной родителями в квартиры, машины, тряпки и драгоценности. Поначалу его это очень радовало. Не стоило напрягаться, надрываться, тратить силы, средства на приобретение семейного гнезда. На то, чтобы это самое гнездо сделать побогаче и поуютнее. Все досталось просто так, свалилось в руки вместе с волнующе дрыгающей шикарными ногами красавицей Верой.

Она ведь и правда была красавицей. Высокой, с роскошной грудью, тонюсенькой талией, длинными ногами. Личико тоже было ничего. То, что не долепила природа, исправила пластика. Волосы густые, длинные, черные как смоль. Тряхнет, бывало, головкой, стрельнет черными глазищами, мастерски подведенными, и все – спекся Виталя. А что Верка вытворяла в постели на тот момент, казалось ему вообще высшим пилотажем. И устраивало все, и приводило в дикий восторг, и не отягощало до поры до времени. А потом...

А потом все повисло тяжелой ношей на шее.

И просторная квартира – которую жена зачастую забывала убирать, а домработницы у них не держались из-за ее характера – казалась тюремной камерой. Он ведь не мог ее продать, обменять, разделить, она целиком и полностью принадлежала Верке. Какая же от этого радость?!

И работа, монотонная, однообразная, приносящая неплохой заработок, но не дающая независимости, надоела до чертей.

И Верка...

Господи, как ему надоела Верка! С ее замороженными постельными кульбитами. С ее бесстыдной привычкой ходить по дому голышом. С ее пронизательностью. Она же не просто догадывалась о каких-то его шалостях, она просто мысли его читала! Он иногда даже спать боялся, а ну как приснится что-нибудь запретное, а она уловит. Уловит, поймет, что он прячет на самом дне души своей, которая томилась от тоски и безысходности, и...

И выгонит его к чертовой матери! А куда он пойдет, куда? На улицу? В подворотню? Его ведь и со службы попрут тут же, потому что хозяин их конторы, Серега Хаустов, – друг и приятель его тестя, отца Верки.

Замкнутый круг просто какой-то получался, и выхода оттуда не виделось. Да и не очень-то хотелось искать выход, если уж быть до конца честным. Надоесть-то ему все надоело, но альтернативы-то не было. Не в работагах же в родном городишке век доживать и спать на скрипучем диване с швеей-мотористкой с соседнего предприятия.

Нет, это не для него. Ему такая вот жизнь нужна: упакованная. А что раздражение накопилось и надоедливым кажется все, так это пройдет. Это усталость, да еще нежелание спать с Веркой. Вот тут он, не кривя душой, скажет честно: опостытели ему ее циркулем распахнутые ноги. И грудь ее, бесстыдно целившаяся в него темными сосками, надоела тоже. Выход есть?

Выход всегда есть. Надо было срочно завести постоянную любовницу, что он и пытался сделать, и не один раз. Не понравились претендентки, ни одна не понравилась. То алчная до денег. То в постели, будто за станком, монотонно все, без азарта и огонька. То дура какая-то занятая вечно, уговаривай ее, завоевывай на каждом свидании. Цветочки чтобы обязательно, знакомство с родственниками. А оно ему нужно?

Вот Полину бы он точно завоевывал. На нее времени было не жаль. И вот кого иметь в любовницах постоянных, так именно ее. Во-первых, скромна. Во-вторых, неболтлива. В-третьих – желанна, вот! Надо, надо подумать об этом на досуге и наметить план серьезных действий по ее оболщению, тем более что Антоном, кажется, она не очень довольна. Оно и понятно: стал бы умный мужик болтать такие вещи о своей жене, с которой и женат-то всего ничего.

– О-оо, мой муж вернулся!

Верка вынырнула из арки гостиной почти голышом. Считать стринги, шлепанцы и браслеты на руках одеждой Виталий не мог. Тут же ткнулась ему губами под подбородок, чего он терпеть не мог с их первого дня совместной жизни, у него там после бритья вечно случалось раздражение. Взяла у него пакеты и пошла, виляя голым задом, на кухню.

– Что там на лице? – спросила она.

– Жара, – ответил Виталий лаконично, стащил с себя пиджак, швырнул его на вешалку и поспешил укрыться в ванной, закричав оттуда: – Вер, сделай мне, пожалуйста, салат мой любимый и...

Господи, о чем это он?! Какой салат? Да она хлеба самостоятельно нарезать не может, не то что салат приготовить. И хотя его любимым салатом был простейший: помидоры с мелко нарезанным чесноком, заправленные оливковым маслом, надеяться на такое чудо из Веркиных рук было большой смелостью.

– Чего? – заорала жена из кухни, разумеется не поняв, что он от нее хочет.

– Ничего! – рявкнул он в ответ и добавил много тише: – Сам сделаю. Оденься лучше!

Странно, но, кажется, жена его последнее желание если не расслышала, то угадала. Когда он вышел из ванной, она сидела за столом в легком спортивном костюме и кромсала прямо на стеклянной столешнице хлеб.

– Вера! – сморщился он, поспешив отнять у нее нож. – Ну что ты делаешь, а?! Ну, есть же разделочная доска!..

– Да? Где?

Она как-то очень странно посмотрела на него, с каким-то истеричным вызовом, что его не могло не насторожить.

– Так, где доска, Витальча? – Губы у жены задрожали, будто она собралась зареветь. – Я в кои-то веки собралась накормить тебя ужином, а ты!.. Ты вечно всем недоволен, скотина!

– Ужином?!

Это было равносильно тому, что жена сообщила бы ему о том, что ее записали в сборную по футболу. Спорт она ненавидела, равно как и кухню и все, что там следовало делать. Она даже есть не могла в кухне, таскаясь с тарелками по всей квартире и забывая потом чашки, ложки, вилки на подлокотниках кресел и диванов, на столиках, полках. А тут вдруг ужин! Это что-то новенькое.

– Милая!

Виталий нервно улыбнулся, поддернув спадающие домашние шорты. Вера, вытащив их однажды из машинки и не дав просохнуть, сразу начала утюжить, резинку в том числе. Хорошие были шорты когда-то: дорогие и нарядные. Виталий их для форсу надевал на утренние пробежки, когда в деловых интересах вынужден был заняться бегом, труся рядышком с одним из потенциальных клиентов. Очень уж тот любил утречком по городскому холодку дряблым задом потрясти, пришлось подстраиваться. А она взяла и постирала, а потом выгладила, вытянув все до безобразия. Для дома теперь только и годились, но соскакивали.

– Милая! – Виталий подхватил легкий стул и поставил рядом с Веркиным. – Что я слышу, а?! Моя маленькая девочка приготовила мне ужин? Правда? Мур-мур-мур...

И он начал тереться щекой о ее плечо. Потом осторожно погладил по спине, не встретил сопротивления, полез под кофточку. Услышал, как жена судорожно вздохнула, понял, что слезы ее внезапными были, блажными, а не по причине какой серьезной. Встал, подхватил Веру на руки и потащил ее в спальню.

Нет, ну разве можно думать мужчине, когда он несет собственную жену на кровать, о всяких несуразностях? Таких, к примеру, как могла бы и сама дойти, не такая уж и невесомая. Роста с ним почти одного, кость широкая, бюст опять же килограммов на восемь тянет. Нет, дай ей романтизмом вечер наполнить. Она его весь день, отупев от безделья, придумывала. Сидела, чавкала орешками, тарасилась в ящик, трещала по телефону с подружками и придумывала, придумывала, придумывала.

А чем вот сегодня себя можно было бы позабавить, а? Что такое на сегодня придумать, чего у них с Витальчей еще не было? Секс на балконе на перилах – почти был. В ванную к нему голая врывалась. При включенном свете и незашторенных окнах, так, чтобы видели их из дома напротив, сексом тоже занимались. И по полу катались на искусственной, но дорогой, зараза, шкуре перед полыхающим камином.

Все уже было перепробовано, все! А скука-то одолевает, и безделье покоя не дает. А чем еще можно занять себя и его, чем, когда он вернется со службы? Как отравить ему еще один домашний вечер, когда он хочет просто прийти, стащить с себя липкие от пота тряпки и просто рухнуть на диван перед телевизором?..

О таких вещах думать нельзя, понял Виталик, когда после нескольких безуспешных попыток скатился со скулящей Веры на кровать.

– Скотина! – тут же зашипела рассерженной гусыней жена и ударила его крохотной подушкой по груди. – Импотент несчастный! Пошел к черту!!

– Вер, я это... Прости, устал я... – замямлил он, прикрывая глаза и удивляясь самому себе. – Да и поел бы чего-нибудь. Ты что-то там про ужин говорила. Я бы действительно съел чего-нибудь.

– Иди и ешь, – буркнула она сердито и повернулась к нему сердитой напряженной спиной.

Все понятно, извинения ему теперь не дожидаться за столь недостойное поведение. Он будет наказан за его нежелание обладать такой великолепной красавицей. Заговорит теперь она с ним, дай бог, к пятнице, а сегодня только вторник.

Он будет, возможно, высмеян в кругу подруг за завтрашним послеполуденным кофе, если Вера соизволит облачить свое роскошное тело в одежду и соблаговолит выползти на улицу.

И вполне вероятно, тему эту она затронет в ежедневном щебете со своим папашей. И тот станет беззвучно шевелить бескровными губами, хмурить отвратительные кустистые брови, будет катать перед собой по столу карандаш толстыми пальцами и думать, думать, как наказать побольнее своего безродного зятя. Как его побольнее щелкнуть и в каком месте.

А Виталий разве виноват?! Виноват, что осточертели они ему все?! И что видеть он не может ни капризной, развращенной ничегонеделанием Верки! Ни папы ее, Кощеем Бессмертным сидевшего на мешках с деньгами. Ни подруг ее, переспавших со всем городским бомондом. Никого он видеть не может...

Растерзанная неумелыми руками Веры буханка хлеба так и осталась лежать на стеклянном столе. Нож там же и еще куча хлебных крошек. Виталий со вздохом убрал буханку в хлебницу, оставив пару кусочков, ужин-то был обещан. Спрятал нож, смахнул салфеткой крошки в ладонь, подумал недолго, прежде чем выбрасывать их в мусорку. Потом все же выбросил, хотя и поморщился, устыдившись. Что-что, а хлеб выбрасывать он не привык. Святотатством считалось это в его простой рабоче-крестьянской семье, где дед по материнской линии всю жизнь проплужил в поле. В него это благоговейное уважение к хлебу вросло задолго до того, как он понял, что никогда не станет землепашцем.

Ужин, обещанный Веркой и так и не поданный ею, ждал его в сковороде под крышкой. Хватаясь за пластмассовую баранку крышки, Виталий ожидал увидеть все, что угодно, но только не сморщенную тонкую пленку подгоревшего омлета.

– Господи боже мой! – вырвалось у него со стоном, и крышка с колокольным звоном вернулась на место.

Неужели так тяжело напрячься и сделать для мужа хоть что-нибудь? Неужели ему каждый вечер, вернувшись с работы и приняв душ, необходимо снова влезать в какую-то одежду? И тащиться на улицу, усаживаться в полыхающую жаром мартена машину. Сидеть и ждать, пока кондиционер вытеснит слежавшийся плотным облаком зной. Барабанить пальцами по коленкам, по рулю, ждать, скрипеть зубами и думать, что...

Что швея с соседнего предприятия в его захудалом городишке и щей бы наваристых ему подала, в которых мясо размером с кулак плавало бы, и картошки рассыпчатой, и холодца...

Потом, насытившись и затянувшись долгожданной сигаретой – кто же на голодный желудок курит, дураки одни, – он, конечно же, посмеивался над своими голодными мечтаниями. Никогда ему не полюбить простушку из уезда, никогда. Даже ради глаз ее надежных и прекрасных, сытного ужина и аккуратно выглаженной сорочки он не свяжет жизнь с такой женщиной.

Он станет эту терпеть – неумелую в быту, блистающую в свете, предсказуемую в своих капризах и горой стоящую за него – за мужа своего. Она ведь порвать любого готова была за него. И не потому, что собственница жуткая была, а потому, что любила. Виталий был в этом уверен – любила, да еще как. Сюсюкала над ним ночами, когда думала, что он спит, мурлыкала всякие разности, приятные слуху. От баб, посягающих на их семейное счастье,

стерегла пуше глаза. От папы своего охраняла также. Пожаловаться могла отцу, но вот чтобы допустить отцовские хищные руки до Виталия, никогда не допускала.

Нет, станет он жить с Верой. Хоть и дрянная баба, и не приспособленная к жизни вообще, но красавица и вовсе не дура. Дура, конечно, но не вовсе. А поесть сытно можно и в любимом ресторане, где за ним постоянно место было закреплено и где о вкусах его от официанта до шеф-повара все всё знали. Не его заслуга в том была, а тестя, но все равно приятно было, когда тебя под белы ручки через весь зал ведут, тут же скатерть меняют и, принимая заказ, сгибаются в три погибели.

В заводской рабочей столовке вряд ли такое с ним случится. Обматерит кто-нибудь или из очереди выпихнет, как в школе бывало.

Нет, Верка – это его находка, его путеводная звезда, его идеал. Нет, не совсем так, она путеводная звезда к тем идеальным условиям жизни, которые для него раз и навсегда приемлемы. Как завернул? Хорошо? Может, и не очень хорошо, зато единственно правильно.

Он станет жить с той женой, которой его наградил всевышний, тьфу-тьфу-тьфу. И ради тарелки гречневой каши с горячей сочной котлетой и густой ароматной подливкой не променяет ее ни на кого. Научиться бы вот только желать ее, как прежде. Что-то надо было срочно с этим делать, срочно...

Глава 4

Огромная лужайка, зацепившаяся левым своим боком за край бассейна, а правым прижимаясь к небольшому фонтану перед домом, совершенно неожиданно этим ранним утром запестрела веснушками одуванчиков. Вот те раз! Обещали газон с первосортной травой, не загаженной сорняком, а тут вдруг одуванчики! Что же теперь делать, полоть их, что ли? Так Тая не станет ни за что. Домработнице некогда, она и по дому, и с мальчишками. Дворника еще на прошлой неделе уволили, только пьянствовал и во флигель баб водил – не работник. Кому же пропалывать одуванчики, ему, что ли?!

Сергей нервно дернул плечом, с шумом вытолкнул воздух через раздувшиеся гневом ноздри, выматерился едва слышно и побрел к дому. Предстоял теперь неприятный разговор с супругой на эту тему.

Она ведь нашла эту фирму, наверняка выкroив из выданных ей денег себе на какую-нибудь дребедень. И настаивала как, убеждала, что все будет превосходно. Разве он не видел, у Малютиных газон какой великолепный, травинка к травинке, ну просто ковер, а не газон? Видел? Ну! Эта же фирма работала, куда и она хочет обратиться.

Сергей снова выругался невольно.

У Малютиных-то он видел газон и даже знает, куда те обращались. Только ведь вряд ли его жена Тая тоже была их заказчицей. Что, мать ее, за скопидомство, а?! Не было бы средств, нищенствовали бы или детям на обучение за границей копили, тогда понятно. А так...

А так ведь состоялись давно. Дом шикарный, который они именуют дачей. В городе огромная квартира. Мало одного бизнеса, который достался ему почти голым и который он плавно вывел в разряд весьма успешных, так еще и от брата много чего досталось в наследство.

Хватало – мало сказать. Перехватало уже за все мечтания и пределы. И детям средства уже на образование отложены, хотя детям тем было по шесть и восемь лет от роду. И приличный домик на побережье, не важно каком, имелся. Куда, к слову, Тайку вытолкать не было никакой возможности. Либо с ним, либо никак.

А куда ему было от дел отрываться? Нельзя, просто никак.

Цацки Тайке покупал всякие разные, до понимания истинной ценности которых он так и не дорос, хотя и старался. Шмотки, выезды, выходы, приемы...

Черт побери, разве этого мало?! Так и то было не на последние. Не тужился он никогда для тусовки из последних-то сил. И при всех колоссальных расходах сверх всякой меры средства оставались. Он как-то раз посчитал, потратив на это без малого неделю: а что станет с его семьей, если его бизнес потерпит крах? Просто вот замкнет что-то в огромной, извилистой, как тело гигантской змеи, цепи, поискрит, поискрит недолго да и потухнет. Что тогда с ними со всеми будет: с ним, с женой, с двумя пацанами его белобрысыми?

Посчитал, посчитал и понял – почти ничего страшного с ними не случится. Лишится он фирмы своей – да. Банк, доставшийся от брата, тоже придется закрыть – если заискрит и в этой цепи тоже. Квартиры даже могут лишиться на покрытие всяких там издержек. Но и только! Счета останутся нетронутыми, дача тоже, до отложенных на обучение денег никто не доберется.

Так что семья Хаустовых, состоящая из четырех человек, вполне может считать себя состоятельной.

Так какого же черта на булавках экономить? Сергей с грохотом распахнул дверь в кухню, где Тая что-то помешивала в сковородке. Вошел, сел на диван у громадного окна и повторил свой вопрос, прозудевший ему все мозги, вслух.

– Не поняла, какие булавки? – Жена колыхнула полным телом и едва взглянула на него, продолжая что-то переворачивать деревянной лопаткой.

– Что с газоном у нас, видела? – еле сдерживаясь, чтобы не сорваться на крик, спросил Сергей.

– А что с ним?

– В одуванчиках весь! Ты в какую ландшафтную фирму обращалась, дорогая?! Только не смей мне врать, что в ту же, что и Малютины.

Он не дал ей возможности приврать, прекрасно зная, как она любит это дело.

– Малютины, Малютины... – проворчала Тая и вздохнула. – Дались тебе они. Ну не в ту фирму обратилась, а в другую. А знаешь, сколько бы с нас содрали тогда, а? А так я денег сэкономила и новую газонокосилку купила.

– Что ты ею косить собралась? – изо всех сил стиснул он зубы. – Одуванчики?! И кто, скажи, станет этим заниматься, если дворник уволен, кто? Кто станет пользоваться газонокосилкой, если дворника у нас нет?!

– Ты, дорогой, – ухмыльнулась Тая, со значением оглядев его заметно погрузневшую фигуру. – Тебе же на пользу. Подвигаешься, лишний вес сбросишь...

Он не выдержал и вскочил с места, хлопнул за собой дверь.

Ох, как с языка рвались обидные слова в ее адрес! Ох, как хотелось ей выплюнуть в лицо: если так рассуждать, то ей самой придется пройтись с газонокосилкой по всем дачным участкам, потом еще и земли соседнего коллективного хозяйства прихватить.

У него лишний вес, елки-палки? У него?! Он и перебрал-то сверх нормы четыре сто. А она! Она же за последние два года разъелась с сорок шестого размера до пятьдесят четвертого. И продолжает разъедаться, и совершенно не думает о том, что дико растолстела, что пора бы и ограничить себя хоть в чем-то. Булки не жрать перед сном! Или с утра не заряжаться жареным. А она опять со сковородкой у плиты пляшет. Не иначе оладьи какие-нибудь на гущенном молоке жарит. Или пышки какие-нибудь на сметане и масле сливочном.

По ее представлениям, домработница способна их всех голодом заморить. Будто и готовит не так вкусно, и неумело вроде бы. Но Сергей-то точно знал, что их Алина – умница. Что и вкусным все из ее рук выходит, и низкокалорийным. И что она придерживается определенной методики в вопросах питания такой большой семьи, как их.

Но разве Таю можно в чем-то убедить?! Она же как баран... Нет, как овца, будет стоять на своем. Права, не права, без разницы.

– Здоровое питание! – фыркала она не раз за столом, ковыряясь в поданном овощном рагу. – У меня с этого здорового питания живот подводит, Алинка!

И снова Сергею еле удавалось сдерживаться, чтобы не обронить обидных слов в ее адрес. Ведь чтобы у Таи подвело живот, ей нужно было похудеть килограммов на тридцать. Странно, но она будто и не понимала, как безобразно выглядит. Не ограничивала себя в еде. Надевала на себя вещи, которые надевать не следовало. И словно даже не замечала, что ее муж сильно охладил к ней за последний год. Не замечала или не желала замечать.

– Алина, что у нас на завтрак? – немного смягчился Хаустов, встретив на пороге дома домработницу с корзиной чистого высушенного белья.

– Не знаю, – та обиженно поджала губы. – С кухни меня выгнала ваша жена, Сергей. Сказала, что завтрак подаст сама.

Все ясно! С утра Тайку что-то рассердило, может, то, что он не ночевал в их спальне, оставшись на диване в кабинете. И решила теперь отыграться на домработнице. И отыгрываться теперь станет до вечерней зари, постарается довести Алину до слез, его – до бешенства. Только тогда успокоится и уйдет с мальчишками гулять на пруд. Куда санитарные службы гулять ходить запретили. Что-то такое нехорошее слили туда с полей соседнего коллективного хозяйства. Но разве для Таи существовали запреты? Нет, никогда. Ей хотелось пойти туда, она и пойдет. И не одна, а с пацанами. И попробуйте кто-нибудь ее остановить.

А Сергей не станет и пытаться. Он сейчас переоденется, выгонит из гаража машину и поедет завтракать в небольшое кафе, что открыли недавно на самом въезде в их дачный поселок. Даже шлагбаум было из окон кафе видно. Ему там пару раз пришлось поужинать, ничего, понравилось. Не сравнить, конечно, с тем, что готовила Алина. Но гораздо лучшим там все было, включая нарезанный хлеб, чем могла приготовить его жена.

Почему он с ней продолжает жить? Почему не разведется, не уйдет к другой?

Сергей вздохнул, с мрачным видом рассматривая себя в большом зеркале шкафа в спальне, куда он забежал переодеться.

А потому что уходить он вовсе не обязан. Это его дом! Его мозгами и стараниями приобретенный. Это на его земле, выкупленной у государства, он стоит. С какой стати ему отсюда уходить? Он может сюда смело привести какую-нибудь умную смазливую девчонку и...

А вот не может, черт бы побрал все на свете! Не может, потому что тут его пацаны: Володька и Ванька. Как он им ее представит?

Не может, потому что тут Тайка, и сдвинуть ее с места будет так же сложно, как сдвинуть с места Уральский хребет. Она станет орать, брызгать слюной, будет таскаться по адвокатам и судиться, судиться, судиться за каждую пядь земли, за каждый метр их общей жилой площади, за каждый рубль. Его начнут таскать по судам, его станут преследовать судебные приставы.

Это жизнь? Нет, конечно же. Он издергается весь, будет не способен на открытые и нежные чувства к умной и смазливой и ее изведет своей нервозностью. Разве же это счастье?..

Можно было бы, конечно, начать все с нуля. Просто уйти, оставив всю недвижимость бывшей жене и детям, и начать строить новый фундамент семьи своей новой и дома. Но тут снова возникало очень много всяких разных раздражающих «но».

Просто уйти не получится, потому что Тайка все равно станет его по судам таскать и требовать раздела в бизнесе. Будет претендовать, как опекун его детей, на долю в банке. Станет выслеживать, разнюхивать. Жизни не даст, это точно.

И запросто так построить все заново не получится, потому что очень уж хлопотно это, очень!

Каждый день лететь сломя голову на строительство. Проверять, сличать с проектной документацией, сметами. Считать, чтобы тебя не обворовали. Выгонять пинками из вагончика одуревших от работы и жары или холода строителей. Наблюдать за ними, чтобы не пропили мешок цемента, не загнали по дешевке кому-нибудь ящик плитки.

Хаустову все это было знакомо, он уже однажды построил себе дом. Второго раза он может и не выдержать.

А новую семью строить разве проще? Да ничего подобного. Новые приобретения: мебель, картины, посуда, простыни. Новый характер рядом, к которому еще притираться и притираться. Снова пеленки, подгузники, детский рев по ночам, режущиеся зубки, сыпь, корь, ветрянки и снова рев по ночам.

Все на нервах! Все новое строительство: и дома и семьи – на нервах. Готов он опять пройти через это? Когда уже под сорок, когда хочется покоя и умиротворения, готов ли он снова к детскому отчаянному плачу, к издерганной изможденной жене?

Нет, честно отвечал сам себе сотни раз Хаустов. Опять пройти через все то, что называется – «свить семейное гнездышко», он не может.

Да, ему отвратительна его жена – Тая, некогда привлекательная уравновешенная блондинка с загадочным взглядом. Отвратительна ее полнота, ее упрямство отвратительно, но...

Но он вынужден и станет с ней жить до тех пор, пока она не умрет. Почему-то Хаустову виделось всегда, что Тайка умрет раньше его. Виделось или желалось, кто знает, но он был почти уверен, что станет ее хоронить. И даже, возможно, поплачет над ее гробом сладкими слезами долгожданного освобождения.

– Алло, – проворчал он в трубку.

Номер на дисплее мобильного не определился, а это всегда бесило его.

– Алло, Серенький, приветик, – пропел нежный женский голосок. – Куда направляешься? Видела, видела, как ты из дома выскочил будто ошпаренный и в гараж направился. А потом выехал за ворота.

– Следишь, что ли, за мной, Маруська? – хмыкнул он и опасливо глянул себе за плечо, словно там могла сидеть грузная теперь Тая и заносить над его головой громадных размеров кулачище.

– Может, и слежу, – продолжила женщина петь в том же ключе. – А чего не проследить за таким милым и симпатичным? Это от безделья первое средство.

– Где муж-то?

– Уехал, – вздохнула Маруся, правда, без особого расстройства. – Может, свернешь с дороги-то, а?

– Нет, Марусь, ну договаривались же. – Хаустов скорчил досадливую гримасу. – В твоём доме – никогда.

– А в твоём? – поддразнила она его и рассмеялась хрипловато.

От этого её смеха с хрипотцой, от того, как она при этом кончиком языка касалась верхней губы, у Хаустова сводило низ живота. Сегодняшний день не стал исключением, но он все равно решил держаться. Муж Маруси был известным ревнивцем, мог запросто устроить ей проверку и, сказав ей, что уезжает на весь день, мог залечь где-нибудь в кустах с биноклем и вести оттуда наблюдение.

Нет, Хаустов не самоубийца. Ни на какую волнующую блажь он не поддается, он поедет сейчас завтракать, а потом...

– Слушай, Маруська, а что, если нам через часок в том самом месте, а?

– Не-еет, через часок я не могу. А ты куда? Во «Вкусняшку»?

Маруся знала, что он время от времени мог сорваться из дома, убежать просто-напросто от гастрономических изысков своей толстухи Тайки.

– Туда.

– Ну ладно, пока, – свернула она внезапно разговор и снова рассмеялась: – Тогда жди сюрпризов, Серенький!

Хаустов в сердцах бросил телефон на пассажирское сиденье. И разразился такой омерзительной бранью в адрес всех без исключения женщин, что, кажется, даже плюшевая собачка, пришпиленная к ветровому стеклу, опасливо вжала голову в плечи.

Что же они делают с ним все, а?! Да за что же ему такое наказание?! Дома Тайка – толстая, упрямая и нелюбимая давно – все нервы измотала. Алинка – молодая еще, в сущности, баба и довольно привлекательная – без конца крепкой задницей перед его глазами крутит. А он даже глянуть лишний раз на нее боится. Потому как толстый цербер стережет их обоих. Тут еще Маруська на голову свалилась. Теперь явится в кафе, сядет за соседний столик и станет вытворять что-нибудь эдакое, отчего у Хаустова сердце разрывается...

Она ведь в прошлый раз что удумала?! Заявилась во «Вкусняшку» в мини-юбке размером с салфетку. Села за столик напротив Хаустова и начала попеременно ногу на ногу забрасывать. А белья-то на ней и не было! Хорошо, что в кафе, кроме него и бармена, что находился за спиной у Маруськи, никого больше не было, а то конфуз бы вышел.

Закончилось все тем, что Хаустов, не доев, помчался в туалет, а она за ним следом. Они заперлись изнутри и через пять минут, выбравшись оттуда, ловили на себе восхищенно-понижающие взгляды бармена.

Тоже еще умник! Очень Хаустову нужно его восхищение.

Ему, как только все с него схлынуло, тут же гадко сделалось. Совесть сразу же на барсучьих лапах подкралась и давай цепляться и душу корябать.

Ну, зачем же так-то, Сережа? Среди бела дня, принародно буквально, а! Хрен с ней, с Тайкой, давно уже ты на нее забил, а муж-то Маруськин чем виноват, а? Ты же у него в гостях бываешь, ты же ему руку при встрече жмешь, ты же с ним на охоту ходишь...

Он даже напился, помнится, от всего того, что потом давило, душило и царапало. И зарок себе дал: больше на поводу у Маруськиных пороков не идти. И даже мямлил ей что-то такое по телефону.

А она что же, снова собралась в кафе без трусов явиться? Не-еет, милая девочка, теперь его не возьмешь. Он вот сейчас запросто свернет от парковки возле «Вкусняшки» к шлагбауму. Ему ведь никто не помешает в город уехать позавтракать? Нет! Так он и сделает. Каким бы волнующим ни было твое гибкое и молодое тело, он больше принародно его брать не станет. Хочется Маруське, пускай за ним следом в город едет. Квартирка для таких целей на окраине у Хаустова имеется. Так что...

– А ты настырный, Серенький, – прошипела негодуяще Маруська, минут через пять позвонив. – В город едешь?

– В город, в город, малыш. И я не настырный, а осторожный.

– Ну, ну... Поезжай.

– А ты?

– А я мужа стану ждать, обещал скоро подъехать.

Вот те раз! А он про что?! И он про то же! Прямо на провокацию смахивает. Муж, значит, обещал скоро подъехать, а жена следом за соседом в кафе рванула с намерением соблазнить его в тамошнем туалете. Ой, что-то не нравится ему все это, сильно не нравится. Надо быть осторожнее. И бдительность притупившуюся за ноздри пощипать, чтобы очнулась та после долголетней спячки и поработала на хозяина, как бывало когда-то...

Глава 5

– Что-нибудь еще станете заказывать?

Хрупкая официантка с большими печальными глазами, прямо такими же, как и у его Полинки, тронула его за плечо.

– Нет, – мотнул отяжелевшей головой Панов. – Спасибо, нет. – И добавил, будто и впрямь перед женой отчитывался: – Я ухожу скоро.

Перед женой отчитывался он каждый день. И даже в день по несколько раз. Когда на работу собирался, когда на обед не мог приехать, когда должен был задержаться, а иногда и просто так, по ходу дня чем занимается – всегда он ставил ее в известность. Не потому, что она от него это требовала. А просто потому, что привык к этому с раннего детства. Родители требовали с него отчета, чтобы не волноваться. Он и старался их не волновать. И жену свою старался не волновать тоже. Потому и звонил ей за день раз десять. Только...

Только ни черта не волновалась за него его жена. Ни по поводу его опозданий с работы, ни что он мог остаться без обеда, ни по какой другой причине она за него не волновалась. Никогда!

Антон Панов тяжело вздохнул и неожиданно для себя поймал официантку, отходившую от стола, за локоток.

– Можно вопрос? – извиняющимся тоном спросил Антон, когда девушка испуганно отпрянула.

– Д-да, пожалуйста.

Ее ресницы испуганно метались вверх-вниз. Ну, прямо правда, как его жена. Такая же пугливая, черт бы побрал все на свете.

– Вот скажите... Кстати, меня Антоном зовут, а вас? Не Полиной, нет? – он хмельно хихикнул.

– Почему непременно Полиной? – не поняла она и глянула на него с досадой, как, наверное, всякий раз смотрела на подзагулявших посетителей крохотного полуподвального ресторанчика.

– Жену мою так зовут. Полина – моя жена. Которая... А, не важно! – он махнул рукой, едва не свалив пузатый бокал на низкой ножке, в котором еще плавилось янтарем немного коньяку.

– Что вы хотели спросить? – тоном школьного завуча спросила официантка.

Антон даже напрягся, вглядываясь. Так и казалось, что девушка сейчас кончиком указательного пальца поправит на переносице невидимые постороннему глазу очки.

– Вы так и не сказали, как вас зовут, – мягко упрекнул он. – Я назвал себя, а вы нет.

– Оля... Меня зовут Оля, – не меняя тона, представилась она.

И потеряла все же переносицу. Может, и правда громоздились на ней очки-невидимки. Такие большие, в роговой оправе, коричневого цвета в черных прожилках, очки. Может, она как-то смогла сделать их невидимыми, чтобы не стесняться их непрезентабельного вида.

У него вот не получалось сделать так в детстве, когда он таскал такие на своем носу. И дико стеснялся, когда его дразнили очкариком. И все мечтал, чтобы очки его, которые необходимо было носить для исправления детского косоглазия, вдруг стали невидимыми.

Господи, о чем он думает сейчас? О чем?! Про очки какие-то вспомнил! Нелепо так, глупо и не нужно. У него, кажется, семья рушится, а он...

– Скажите, Оля, за что меня можно не любить?! – выдавил Панов через силу. – Что во мне такого отвратительного? Я не урод, не гомик, зарабатываю так, что только можно позавидовать. А она... Она отворачивает лицо, когда я хочу ее поцеловать. Вот так отворачивает!

И Антон отодвинул подбородок к плечу. Потом замотал головой, зажмурившись.

– Она не просто не любит меня, Оля! Она... она, мне иногда кажется, ненавидит меня! С трудом терпит. Я же все готов для нее сделать, все! Я ради нее на все пойду! Если ее кто обидит, я его разорву в клочья! Просто оставлю этого человека инвалидом, если он посмеет мою Полинку...

– Тише, Антон, тише. – На удивление крепкие пальцы, крепкие для такой хрупкой девушки, сдавили ему плечо. – Здесь не место говорить об этом. Если есть желание продолжить тему, то я заканчиваю через полчаса. Подождете?

– А? – Он подумал, потом кивнул. – Подожду. Все равно меня некому выслушать, кроме вас. Некому. Она так уж точно слушать не станет...

Господи, зачем он здесь?! Для чего?! До какого состояния надо было напиться, чтобы проташиться пять кварталов и оказаться в тесной коммунальной конуре, забитой неспящими соседями, окурками, кастрюльным грохотом и тошнотворным запахом чужой ненужной женщины.

– Ну, чего ты, Антон? Чего ты?

Показавшаяся поначалу очень хрупкой, Ольга с не женской силой вдавливала его в подушки, лизала ему мочки ушей, ерзала по нему горячим тугим животом и все уговаривала, уговаривала быть умником. Они ведь уже со вчерашнего вечера вместе, неужели он ничего не помнит? Как тогда объяснит, что проснулся совершенно голым в ее постели? И пускай жениться на ней не обещал, да ей и не нужно, но уходить так рано точно не собирался.

– Ну, чего ты, Антоша, милый? – Ольгина рука с холодными тонкими пальцами коснулась щеки. – Посмотри на меня, посмотри. Я же понравилась тебе. Ты сам вчера мне говорил об этом.

Да, она была недурна собой, эта милая девушка с печальными глазами, в которых ему с самого утра мерещилось что-то хищное. И проговорили они, кажется, часа три, никак не меньше. И понимала она его, как никто. И все Полинку ругала и обзывала каким-то нехорошим неблагозвучным словом. Он не помнил, каким именно! И не помнил, как уступил этой девушке и улегся с ней в постель, где непристойно пахло чужим мужским одеколоном.

– Зачем я тебе, Оль? – вдруг спросил Антон, стаскивая девушку с себя и опуская ноги на пол с кровати. – Зачем?

– Ну... Мне хорошо с тобой, Антоша. И я ведь не тащила тебя сюда, ты сам пришел, – с удивлением и обидой отозвалась она и была не так уж и не права. – Все стонал и бился, с чего тебя Полина твоя не любит.

– А ты что говорила? – Он силился вспомнить то гадкое слово, каким Оля называла его жену, так и не вспомнил.

– А я говорила, что вы не пара, вот и все. Ты очень хороший, но не ее мужчина.

– А кто же ей нужен? – поинтересовался он ревниво и потянулся к своим брюкам. – Что она за цаца такая, что я ей не пара?

– И это я вчера слышала. – Оля вздохнула, провела ноготком по его позвоночнику и поцеловала под левую лопатку. – Ей такой же павлин нужен, Антоша. Чтобы перья перед ней распускал. Чтобы...

– А я не распускаю, да! – Он едва не сломал «молнию» на брюках, с такой силой дернул от обиды застежку. – Я с утра до ночи только тем и занимаюсь.

– А ты перестань, – вдруг сказала Оля со смешком и потянулась, провокационно выставив грудь.

– Что перестать? – не понял Антон, не придав значения ее грациозным ухищрениям. Не заметил даже.

– Перестань распускать перед ней перья. Перестань унижаться, звонить по десять раз на дню. Перестань вовсе обращать на нее внимание.

– Как это?! Ты в своем уме? Она моя жена, Оль, я не могу не обращать на нее внимания. И я...

Он помялся, не зная, как выразить свою мысль поделикатнее. Ольга с невеселым смешком сама закончила за него:

– И ты ее очень любишь. Знаю. Весь вечер вчера слушала.

– И все равно в постель меня потащила. – Он удивленно покачал головой, сел на край кровати и начал натягивать носки. – Странная ты, Оль. Чего тебе с меня? Денег ты не берешь, будущего у нас с тобой нет. Чего тогда? Я ведь не первый в этой койке, так ведь? Одеколоном мужским все пропахло. Недешевым одеколоном. – Антон назвал, припомнив. – Угадал? Вот, видишь. Не бедный парень вчера утром тут просыпался. Чего меня-то к себе позвала?

– А тебе прямо обязательно в душе моей покопаться! – фыркнула Оля, причем без обиды какой бы то ни было или досады. – Тебе твоей души за глаза хватит, Антоша. Иди уж, к Полине своей. Иди и не заморачивайся из-за меня-то еще. И совет мой помни: поменьше внимания обращай на цацу свою, дело будет лучше.

Панов дошел пешком до ресторана, где ночью оставил машину на стоянке. Глянул на телефон, забытый на сиденье. Умышленно, между прочим, забытый. Сколько сидел и напивался, столько мечтал потом обнаружить там десятка три пропущенных звонков. Вот выйдет он из кабака, думал, сунет погрузневшее от коньяка тело в салон, глянет на дисплей телефона, а там сообщение на сообщении. И звонила, и писала, и...

Ничего не было. Полина не позвонила, не написала ничего и даже к черту его не удосужилась послать за молчание, хотя, по логике, должна была.

– Не нужны мы ей, – пожаловался телефону Панов и завел машину. – Не нужны ни обеспеченными, ни нищими, никакими. Развестись с ней, что ли!

Развестись, конечно, было можно. И проблем никаких не возникло бы. Она как-то вскользь обронила однажды, что никогда ни на что претендовать не станет. Что от матери в наследство ей досталась огромная квартира в самом центре города. У тетки опять же она одна из всей родни, та ее никогда не оставит. И ей вообще, вообще ничего не надо. Она готова уйти без выходного пособия и все такое.

А он не готов, блин! Он не может ее отпустить! Он любит ее так...

До судорог любит ее, проклятую! Дышать боялся, когда она спала рядом с ним. Иногда даже оторопь брала, до такой степени походила спящая Полинка на ангела. Нежная, чистая такая, не загаженная никем другим, она была только его женщиной, только его. Ну, как он мог ее отпустить?! Как?!

И жить так больше просто невыносимо. Жить и знать, что не нужен ей, что она с трудом терпит тебя рядом. Вчера утром даже поцеловать себя не дала, когда провожала его к порогу. Чего тогда вышла провожать, спрашивается! Сидела бы в кухне, ковыряясь вилкой в своей яичнице. Нет, вышла, как примерная жена, пожелала удачи бескровными губами. И с таким постным лицом все это проговаривала, будто в последний путь его провожала, черт возьми! И все, на этом ее супружеская миссия закончилась. Прощальный поцелуй оказался миссией невыполнимой.

– Я настолько противен тебе? – вспыхнул он тут же, пытаясь поцеловать ее насильно. – Полина, посмотри на меня!

Не посмотрела, отвернула лицо, губы тут же набухли, задрожали. Ясно, плакать собралась. Он ее и отпустил, чтобы сырость не разводиться и себя до конца не расстраивать. Другой бы на его месте не отпустил бы. Другой бы еще и по заднице надавал за капризы всякие дурацкие, а то и покруче наказание придумал бы.

Он так не мог. Ни бить, ни принуждать ее не мог.

Они ведь уже неделю спали в разных комнатах, и все по этой же причине. Как только она выкрикнула ему про это самое принуждение неделю назад и про то еще, что не может больше заниматься с ним любовью, потому что...

Кстати, а почему? Она ведь так и не сказала, почему она не может. Сколько он ни бился, сколько ни пытался разговаривать ее, она так и не сказала ничего. Он к ее тетке тогда подался, едва в ногах у старой ведьмы не валялся, моля о помощи. Тоже глухо. Сидела, курила одну сигарету за другой, за сердце хваталась, а толком так ничего и не сказала и не пообещала ничего.

– Сами разберетесь, – квакнула напоследок. – Надо быть, Антоша, поделикатнее с такой девочкой, как моя Полина.

Да куда уж деликатнее-то, елки-палки! Куда деликатнее-то?! Ему что же, заявку в письменном виде подавать за месяц вперед, когда он свою жену захочет, так, что ли?!

– Не впадай в маразм! – фыркнула старая ведьма, когда он начал говорить ей об этом. – Я имею в виду, что ее желание в этом тоже должно браться в расчет.

Ее желание?! Да он может прождать до пенсии, когда его красавица Полина вдруг его возжелает! Да она...

Вот тогда-то первый раз и прозвучало это страшное для него слово – развод. Этим поганым словом противная карга как будто подвела черту под их короткой совместной жизнью с Полиной, отсекая все его взлелеянные надежды на долгое совместное счастье.

– Разведись с ней и найди себе другую. Ты красивый, здоровый, молодой мужик. Обеспечить можешь гарем целый, чего тебе в ней? Брось ее, пускай она себе кого-нибудь тоже найдет, – кудахтала тетка его жены, занавесившись сизыми клубами дыма. – Чего вам вместе мучиться. Поврозь-то, может, и лучше.

Ох, как он тут начал орать! Как он орал на старую ведьму, даже не выдержал и пообещал ее убить, если она вдруг посмеет влезть между ними. Никогда не тронул бы, ежу понятно, но в порыве гнева выпалил. К слову, тетка не испугалась. Хмыкнула – не понять было, сердится или одобряет его гнев. А потом выпроводила его со словами:

– Хочешь мучиться, продолжай ее любить. Не хочешь, беги от нее куда глаза глядят.

Он продолжил любить свою Полину, потому что ничего не мог с этим поделать. Ничего! Сидел размякшим куском пластилина напротив нее и глядел, не отрываясь, как она ест, смотрит телевизор, читает книгу, пришивает пуговицу. И не мог заставить себя отвернуться, не мог думать о ней гадко, и что самое страшное – в прошедшем времени думать о ней не мог.

Сергея Хаустов, которому он в сердцах пожаловался, приехав к тому на дачу, посоветовал проявить мужскую твердость, не унижаться и не навязываться. И даже позавидовал, дурак, что Панов может с такой легкостью от жены избавиться. Он-то, мол, и рад бы, да хрен что выйдет. От такой, как его Тайка, уйти можно только на тот свет, либо ее туда спроводить.

А что Полина его выделяется, так то, мол, не беда. Молодая, гонору много, неплохо бы придавить этот самый гонор, поставить зарвавшуюся девчонку на место, а то и наподдать.

– Не могу я с ней так, Серега! – бил себя кулаком в грудь Антон.

– И зря! Распустил, понимаешь, теперь плачешься. Что такое мужское самолюбие, помнишь? Нет? Так вспоминай, вспоминай! Спать она с ним не желает! Да ты завтра пальцами щелкнешь – укладывать желающих в кровать замучаешься...

Пальцами он, выходит, вчера как раз и щелкнул, переспал с Ольгой. Только ничего хорошего из этого не вышло. Никакой благодатью в душе не выиграло удовлетворенное мужское самолюбие. Наоборот, противно стало, когда, проснувшись, понял, что произошло. Противно и стыдно перед Полиной, будто окунул ее во что-то грязное и непристойное. А на теле и лице словно жирные пятна остались от жадных Ольгиных губ. Помыться бы скорее да на работу улизнуть, чтобы лицом к лицу с женой не столкнуться. Чтобы глаза от нее не прятать и не чувствовать себя сволочью последней за свое незапланированное – ванное предательство.

Хорошо бы, подумал Панов, Полинки дома не оказалось. Вышла куда-нибудь за хлебом, например, и задержалась бы. Или за свежим творогом к завтраку, его всегда долго приходилось ждать.

Полина была очень прилежной хозяйкой и тщательно следила, чтобы дома он хорошо и полноценно питался. Здесь упрекнуть ему ее было не в чем. Но вот за то, с какой легкостью она отпустила его жить в соседнюю комнату, за то, что ни разу за минувшие сутки не позвонила ему, не побеспокоилась, не проявила элементарного женского любопытства, он готов был...

А в самом деле, на что он готов? Как далеко он может зайти, чтобы наказать ее – неприступную? Ударить не сможет, это ясно. Уйти от нее способен лишь в соседнюю комнату. Обругать гадкими обидными словами лучше даже не пытаться. Почему? Да потому что какая же она гадкая? Она чистая, хорошая, милая, просто она не любит его так, как он ее, и все. Да, наверное, и вообще никак не любит.

Он открыл дверь сам, хотя всегда звонил, чтобы она открыла ему. Чтобы встретила на пороге, подставила щеку для поцелуя. Хоть и неприятно ей было, но до недавних пор щеку подставляла. Сейчас все изменилось. Поцелуи теперь исключались. И все общение между ними не должно было выходить за рамки вежливого пустого разговора.

– Передай хлеб, пожалуйста.

– Да, да, конечно.

– Кофе сварить тебе?

– Если не сложно.

– Я выгладила тебе рубашку, которую ты просил.

– Спасибо огромное...

И так далее, и тому подобное.

Ей, кажется, было очень комфортно за этой словесной органзой. Она даже хмуриться стала реже. Она и не догадывалась, как ему хочется поймать эту руку, передающую ему хлеб. Стиснуть ее, потянуть на себя, заставить ее хозяйку соскользнуть со своего места и усесться к нему на колени...

– Антон!

Полина так неожиданно появилась у входной двери, как будто выбежала или выпрыгнула из комнаты, хотя это ему наверняка померещилось. Она никогда не делала резких движений, всегда несла себя с достоинством. Просто он не ожидал... Нет, не желал ее сейчас видеть, и ее внезапное появление заставило его вздрогнуть.

– Я Антон, – ответил он, поворачиваясь к ней спиной.

– Антон, где ты был?!

Странно, но ее интонация показалась ему надломленной, словно она волновалась. Что тоже исключается, потому что они ведь теперь соседи, между которыми повисла, переливаясь всеми оттенками, этикетная завеса.

– Это так важно?

Он согнулся и принялся стаскивать с себя туфли.

Черт! Хоть бы ушла! Не может он смотреть на нее! Кажется, только глянет в ее глаза и примется каяться во всех своих грехах и вымаливать прощение. Только прощать-то его, кажется, некому. Полина уже отгородилась от него, и его грехи занимают ее мало.

– Важно! Очень важно!

И его жена, его уравновешенная, милая, всегда вежливая жена, вдруг топнула ножкой. Она позволила себе топнуть на него своей красивой ножкой и сделала это так мягко и так неубедительно, будто репетировала какое-то балетное па, что Панову вдруг сделалось смешно.

– С каких это пор, милая Полина, тебя стало интересовать, где я был, с кем я был? – протянул он все еще со смешком.

Посмотрел на нее внимательно, наконец. Отметил припухшие веки и темные полукружья под глазами, явно намекающие на то, что Полина плакала. Неужели переживала? И судорожное дыхание тоже ведь не от веселья случается, так? А она именно так сейчас дышала, его жена, – с обидой и горечью.

Она молчала, также прерывисто дыша и покусывая нижнюю губу. Тогда он продолжил с нажимом, двинувшись в ванную и на ходу раздеваясь:

– Если бы тебя интересовало, где находится твой муж, ты бы позвонила. Это ведь так просто, дорогая. Берешь в руки мобильный, жмешь на кнопки и следом жмешь кнопку вызова. И ты сразу бы узнала, где я. С кем я...

Рисковал? Рисковал, без сомнения. Мог ведь нарваться и на истерику. Кто знает, что хранится в сокровищницах ее великолепной души.

А, плевать, решил он вдруг в какой-то критический момент! Плевать, какие чувства она сейчас испытывает. Ее так долго не волновали его чувства, что и устыдился бы, да желание пропало.

– Я знаю, с кем ты был, – вдруг пронеслось за ним следом по коридору, догнало, больно ткнуло под левую лопатку и заставило остановиться. – Я видела вас, когда вы уходили из ресторана, Антон.

– То есть? – Внутри отвратительно и трусливо заныло. Он повернулся и совершенно детским, шкодливым каким-то движением подергал плечами. – Я не понимаю, о чем ты, Полина.

– Я не хочу, чтобы ты врал мне, Антон.

И Полина потеряла переносицу, будто тоже, как и Ольга вчера, поправляла очки-невидимки. Только у нее они наверняка розового цвета, с необъяснимым злорадством вдруг подумал Панов. И стекла розовые, и оправа из розового перламутра. И смотрит на мир эта красивая утонченная женщина сквозь свои, невидимые остальным, розовые стекла, и видит только свой мир. Мир, отфильтрованный от горя, от пошлости, от вожделения. Вожделение-то для нее – самый страшный из пороков.

– И прежде чем ты начнешь врать мне снова, я скажу тебе, что вчера, не дождавшись тебя, я пошла в дежурный магазин. А он как раз напротив того ресторана, где ты вчера отдыхал с девушкой.

– Она не девушка, она официантка, – буркнул он, поняв, что спалился на все сто.

– А официантки разве не могут быть девушками? – Полина недоуменно подняла аккуратные бровки. – Это не имеет значения, потому что я видела, как вы вместе вышли, обнялись и пошли в противоположную от дома сторону.

– А по-твоему, я должен был с ней идти по направлению к своему дому? – зло оборвал он ее.

Разозлился, потому что очень уж уравновешенным тоном Полина рассказывала о том, что вчера подглядела. Разве так ведут себя, уличая в измене?! Разве стоят восковыми куклами и аккуратно цедят слова, не меняясь при этом в лице? И непонятно тогда, почему глазки припухшие и дыхание срывающееся было минут пять назад. Может, по поводу сломанного ногтя такие переживания случились?

– Ты... – осторожно, будто ступая на припорошенный снегом ледок, начала говорить Полина, – не должен был идти с ней сюда, это не обсуждается. Но ты и не должен был...

– Слушай, хватит уже! – взорвался он, поняв, что она ни черта его не ревнует к возможной сопернице. – Мне не хочется слушать, что я должен, а чего нет! Я любил тебя, понимаешь! Очень сильно любил! У меня к горлу комок подступал, когда я смотрел на тебя, и дышать невозможно было. Я же боготворил тебя, Полина! И не мог оставаться равнодушным, когда такая прекрасная женщина находилась рядом со мной! Поэтому я... Может, я бывал груб или слишком порывист, может, не спорю. Но это от любви, понимаешь, а не от неотесанности моей, как утверждает твоя тетка!

– А кто дал тебе право говорить с ней о нас, кто?! – вдруг тоже закричала она.

Впервые за все время их совместной жизни закричала. Он даже не знал, умеет ли она повышать голос или это прерогатива грубиянок.

– Ты должен был со мной говорить об этом, а не с друзьями, не с тетей Полей! И не с этой ужасной женщиной, которую ты тащил куда-то!

И на последних словах его милая, уравновешенная жена, не способная, по его мнению, на ревность, грубость, непозволительный тон, подбежала к нему и вlepила такую пощечину, что у него в голове зазвенело.

– Оп-па! – выдавил он и вымученно улыбнулся, потирая щеку. – Что это на тебя нашло, Полинка? Ты что, ревнуешь? Ты же сама...

– Что сама? – перебила она с вызовом и уперла кулаки в бока, чего тоже никогда не допустила бы прежде, это же некрасиво. – Вот что сама, что?!

– Ты же сама отказалась от меня. Ты потребовала моего переселения.

– Я не требовала! Я попросила дать мне время!

– Ах вот как это у нас называется.

Господи, он боялся верить! Он даже с места сдвинуться боялся и стоял, будто ему носки кто к полу приклеил, чтобы не распугать, не разогнать сгущающиеся тучи семейного скандала. Он был так благодатен, так сладостен для него – этот бабий ор. Ему и смеяться и плакать хотелось одновременно от того, с какой искрой в глазах Полинка сейчас на него орала. А она ведь ревновала, точно ревновала, спокойствия ее мнимого хватило лишь на пять минут, и все. Лопнуло оно, ее спокойствие, как мыльный пузырь.

Ха-ха, вот это да! И куда хорошие манеры подевались! Наскакивает на него, кричит...

– Да! – голосила Полина. – Да, я, возможно, была не права. Но я молода и неопытна. Тебе надо было набраться терпения, а ты вместо этого!.. Как ты посмел?! Как ты посмел, бесовский гад!

– Ух ты! – Он попытался поймать ее и привлечь к себе, но тут же получил по второй щеке. – Полинка, ну больно же!

– А мне не больно?! Мне, думаешь, не больно вот тут!! – И изящная щепоть ее пальцев ткнулась ей в грудь. – У меня все разрывалось здесь минувшей ночью!

– Так позвонила бы.

– Я?! Я стану звонить, когда ты возишься там с этой шлюхой?! Ты бесовский, беспринципный идиот! И я тебя никогда не прошу...

Все, она выдохлась. Выдохлась, ударив его еще и еще, но уже не по лицу, а по плечам и груди. Потом совершенно неожиданным и нелогичным образом обвила его руками за шею, прижалась к нему и зашептала сквозь слезы:

– Прости меня! Прости меня, пожалуйста, Антоша! Я так никогда больше не буду себя вести, никогда. Но и ты... Не нужно больше никаких дурных женщин, Антоша... Пожалуйста, не надо!

Ох, как бы он хотел поставить в этом месте точку. Нет, не точку, а огромный восклицательный знак. Нет, три огромных, жирных восклицательных знака, после слов – наконец-то!!! Наконец-то свершилось, получилось, удалось! Все, теперь все будет по-другому, все будет славно, хорошо, станет искриться желто-оранжевым счастьем.

Ему ведь именно такого цвета счастье виделось всегда. Даже сочинение писал на эту тему, где объяснял долго, нудно и подробно, почему непременно желто-оранжевое счастье должно быть у людей, а не зелено-голубое, к примеру. «Пять» получил, как ни странно, за то сочинение. «Пять» и уважительное понимание учительницы.

Все предыдущие месяцы жил и ждал, жил с Полиной и ждал, ну когда же, когда хоть отблеск какой в их жизнь, утрамбованную вежливостью, просочится. Когда пробьется сквозь плотные слои учтивости, когда ослепит. И вот наконец-то!!! Наконец!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.